Зебуннисо

ОГОНЬ И СЛЁЗЫ

Зебуннисо

ОГОНЬ И СЛЕЗЫ

Перевод с фарси
ТАТЬЯНЫ СТРЕШНЕВОЙ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1977

И (Инд)
З-47

Вступительная статья
Г. Ю. АЛИЕВА

Художник
ВЛ. МЕДВЕДЕВ

З $\frac{70404\text{-}308}{028(01)\text{-}77}$ БЗ-70-31-76

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проникновенные стихи поэтессы Зебуннисо о преданной любви, о радостях и страданиях любящего женского сердца всегда воспринимались на Востоке как грустные песни о тяжелой и безысходной женской доле. Печать незаурядного художественного дарования, которой они отмечены, их общественная значимость не замедлили сказаться: уже при жизни поэтессы стихи ее стали распространяться в виде рукописных книг в Индии, а затем приобрели широкую популярность в сопредельных с Индией странах — в Афганистане, Иране и особенно среди народов Средней Азии. Давно и прочно срослись стихи Зебуннисо с классической музыкой таджикского народа, вдохновляют они и современных композиторов.

Из каких же социальных слоев происходил автор этих порою невыразимо печальных стихов? Быть может, это одна из миллионов обреченных на жалкое и бесправное существование индийских женщин? Вовсе нет. Та, что гордо звалась Зебуннисо и пользовалась поэтическим псевдонимом «Махфи» (сокрытая), была дочерью могущественного индийского императора Аурангзеба, чья власть в 1658—1707 годах простиралась над необъятными просторами Индии и Афганистана.

В результате упорной и кровавой борьбы Аурангзеб в 1658 году занял делийский престол, умертвив отца и братьев. Борьба за власть среди родственников императора продолжалась в течение почти всего полувекового его правления; позднее в эту борьбу были вовлечены взрослые дети Аурангзеба. Нетерпимый к иноверцам, многие годы заботился он об укреплении личной власти и расширении пределов империи, искал поддержку среди крупных землевладельцев — феодальной знати и наиболее фанатической части мусульманского духовенства. Ободренный многими удачными завоевательными походами и усмирительными экспедициями, Аурангзеб («Краса небесных сфер») присоединил к своему имени еще один пышный титул — Аламгир («Завоеватель мира»). При Аурангзебе — Аламгире экономическое и духовное угнетение населения обширной империи Великих Моголов значительно усилилось. Непомерно увеличились всевозможные налоги, а индийцы-немусульмане вновь были обложены подушной податью, которую отменил прадед Аурангзеба император Акбар (1556—1605). Все это, естественно, не могло не вызвать в стране недовольства. В шестидесятых — семидесятых годах XVII века всю страну охватили крестьянские волнения: восстание крестьян-джатов (1669), восстание пенджабских крестьян под водительством Тега Бахадура (1675), восстание объединенных афганских племен (1678), выдвинувших из своей среды вождя и выдающегося поэта Хушхаль-хана Хатака, восстание маратхов под руководством основателя Маратхской державы Шиваджи и многие другие.

Историки — современники императора — сообщают, что Аурангзеб не жаловал литературу и искусство, видел в них угрозу нравственным устоям общества. По образному выражению Джавахарлала Неру, император Аурангзеб пытался «отвести назад стрелки часов» истории духовного развития страны, подготовленного многовековым синтезом индо-мусульманских культурных традиций. Однако развитие литературы и искусства подчинялось не воле властителей, пусть даже таких могущественных, как Аурангзеб, а объективным закономерностям историко-культурного процесса. Богатая персоязычная литера-

тура Индии, в русле традиций которой писала свои произведения Зебуннисо, во второй половине XVII века переживала последний этап своего расцвета. Достаточно сказать, что Зебуннисо была современницей таких выдающихся представителей этой литературы, как Мирза Бедиль, Насир Али, Гани Кашмири. Деятельность Аурангзеба, вызвавшая ослабление и развал экономических основ общества и направленная на удушение всяческого свободомыслия, вызывала все больший протест. Идеями протеста пронизано творчество упомянутых выше индийских литераторов. Эти идеи воплотились и в поэзии Зебуннисо — старшей дочери императора.

По свидетельству ряда источников, Зебуннисо родилась в Дели в 1638 году. В них подчеркивается, что была она женщиной эрудированной, обладала солидными познаниями в области истории и литературы, а также природной красотой. Ее так и прозвали Зеб ун-Нисо (по-арабски — изящнейшая из женщин). Утверждалось и другое: горделивым именем императорская дочь была обязана лишь своему рождению. Подобные пышные имена-прозвища были даны всем отпрыскам императора Аурангзеба. Так, его младшая дочь носила имя Зинатуннисо, то есть красивейшая из женщин. Кстати, и она также писала стихи.

По единодушному утверждению историков литературы того времени (например, Биндрабана, составителя антологии индийской поэзии XVII века), жизнь Зебуннисо сложилась неудачно: она провела ее в одиночестве, в заточении. О причинах пожизненного заточения источники расходятся во мнениях: по сообщению одних — неразделенная любовь привела Зебуннисо, обладавшую впечатлительной и кроткой натурой, к добровольному заточению. По свидетельству других — заточение было принудительное: тот, кто заслужил любовь гордой и свободолюбивой принцессы, не нравился Аурангзебу, который и повелел дочери жить до конца дней своих в «уединенном углу императорского двора». Среди избранников сердца Зебуннисо эти же источники упоминают поэта Насира Али и приводят стихи обоих, представляющие нечто вроде поэтического состязания (мушаира). В некоторых исторических хрониках утверждается, что

сердце принцессы склонилось к самому Мирзе Абдулкадыру Бедилю (1644—1721), крупнейшему поэту эпохи. Достаточно хорошо зная подробности личной и творческой биографии Бедиля, мы имеем все основания усомниться в правдоподобности этого утверждения [1].

Во всех этих сведениях, однако, истинно то, что большую часть своей жизни Зебуннисо провела в заточении, и отнюдь не в «уединенном уголке императорского двора», а в крепости Салимгарх. Причиной же отцовской немилости были не сердечные увлечения дочери, а вполне реальные политические соображения. Дело в том, что, как уже упоминалось выше, вокруг императорского престола не прекращалась борьба. Один из сыновей Аурангзеба, принц Акбар, присоединился к восставшим раджпутам и провозгласил себя императором. Аурангзеб знал о симпатии, которую принцесса Зебуннисо питала к брату (к тому же одно из ее посланий к Акбару было перехвачено), и велел водворить дочь в крепость Салимгарх, где она прожила в одиночестве до конца своих дней. Зебуннисо скончалась в 1701 году и похоронена в Дели (а не в Лахоре, как считают некоторые авторы). По указанию Аурангзеба над могилой поэтессы была возведена гробница, просуществовавшая около полутора столетий и разрушенная при англичанах во время строительства железнодорожного полотна. Время, таким образом, не сохранило нам надгробия поэтессы. Канула в Лету и зловещая слава ее венценосного родителя.

До нас дошли только прекрасные стихи Зебуннисо, пронесшие через века ее сокровенные мысли. И сегодня лишь они, полные искренних чувств любви и страдания, красноречивее любого письменного источника рассказывают нам, людям двадцатого столетия, о переживаниях Зебуннисо и миллионов ее сестер, испивших горькую чашу бесправия и нравственных унижений в условиях феодального общества. В ее стихах мы слышим стоны влюбленного сердца, плененного в неприступной крепости Салимгарх. Эти стихи рассказывают не только о лишениях и невзгодах Зебуннисо, о личной трагедии их автора:

---

[1] См.: Бедиль. Комде и Модан. М., «Худож. лит.», 1975.

могучая сила художественного обобщения наполняет произведения поэтессы общественным звучанием.

Она несчастна в императорском дворце, где процветают подобострастие и лицемерие. Непрекращающиеся интриги придворных преследуют ее всюду. Она жаждет, но не находит покоя: «Не найти нигде покоя, нет его в горах и долах!» — говорит Зебуннисо в одной из газелей. Поэтесса одинока, и это одиночество угнетает ее.

Средь людей я одинока, как страдающий Якуб.
Предо мною отчужденья неприступная стена.

Стихи Зебуннисо навеяны не только ощущениями тоски и безысходности. В ее песнях печаль и горе нередко отступают перед верой в грядущее избавление, надеждой на приход счастья. Порою даже в самой грустной газели энергично звучит отказ поэтессы от покорного, терпеливого ожидания повелений судьбы:

Махфи, тоску в стихах излей, но ты не кайся, будь смелей!
Нет исцеленья от скорбей. А свыше ждать указ доколе?

Ей претила тлетворная атмосфера, царившая в высших сферах общества. Она ищет пути избавления и смело бросает в лицо своим притеснителям:

Как мне насилья избежать?
Пора терпенья сбросить кладь

И, не раздумывая впредь,
От притеснителей бежать.

На их разгульные пиры
Доколь в неведенье взирать?..

Мысль об освобождении от оков жестокой феодальной эпохи, идея о свободе личности тайно и явно присутствуют в поэтических строках Зебуннисо. Этим своим идейно-тематическим содержанием и ценно для нас творчество индийской поэтессы.

В заключение еще одно замечание: возможно, не все собранные в настоящем сборнике стихи, подписанные псевдонимом

«Махфи», принадлежат Зебуннисо. Таково мнение специалистов. Ведь сейчас известно, что этим же псевдонимом пользовались по крайней мере четыре-пять писавших на языке фарси поэтесс в Индии и Средней Азии. Не исключено, что весьма схожая идейная направленность этих стихов, их общий эмоциональный настрой привели первых составителей дивана газелей Зебуннисо (наиболее популярной из всех избравших себе псевдоним Махфи) к непроизвольной ошибке: в сборник поэтессы были включены произведения других, анонимных авторов. Это обстоятельство нисколько не смущало любителей поэзии на Востоке и не должно смущать нас: ведь и Зебуннисо писала свои прекрасные стихи от имени своих сестер и выражала их страдания и надежды.

Гаванфар Алиев

ОГОНЬ И СЛЕЗЫ

ЗЕБУННИСО

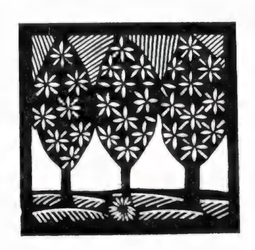
Страсть, как Меджнуном и Лейли, повелевает мною снова,
Нет сил у неба и земли, чтобы разбить ее оковы.

Я научила соловья влюбляться в розу. Это я
Шутя послала мотылька сжигать себя в огне багровом.

Я только с виду так бледна, кровь у меня красней вина,
Никто не знает, что она испепелить меня готова.

Мне трудный груз дала судьба, и я согбенна, как раба.
Тяжел мой сон, еда груба, одежда траурно-лилова.

Принцесса я, но в нищете. Что мне в моей же красоте?
Зовут меня Зебуннисо,— мир вдохновляет это слово.



БЕЗ НАДЕЖДЫ

Жить без надежды, что тебя увижу я хоть раз, доколе?
Знать, что не встречу никогда сиянья милых глаз, доколе?

Доколе жаркой жажды страх, доколе счастье видеть в снах,
С мольбой в измученных глазах ждать встречи редкий час доколе?

Ты не одна скорбишь, твердят: повсюду горе и разлад.
Столетья словно миг летят, ждать, кровь чтоб запеклась, доколе?

О сердце, если рок разбил сосуд, где счастье бог хранил,—
Молить нам из последних сил, чтобы спасали нас,— доколе?

Махфи, тоску в стихах излей, но ты не кайся, будь смелей!
Нет исцеленья от скорбей, а свыше ждать указ доколе?

УСЛЫШЬ МОЙ СТОН

Мученьям этим нет конца, и слабый дух мой побежден.
Грозит мне стрелами беда со всех дорог, со всех сторон.

За стоном стон, за вздохом вздох — войска, заставшие врасплох,
Они, напавшие в ночи, сулят насилье и полон.

Не бейся, сердце, погоди, в темнице ты, а не в груди,—
Без сил останешься, гляди, как розы срезанный бутон.

Сжигающий огонь свечной играет с бабочкой ночной.
Душа расплавилась, как воск, и, оплывая, каплет он.

О небо, как в тебе светло, но ты на помощь не пришло...
В последний раз тебя молю: спаси Махфи, услышь мой стон.

ОДНА МОЛЬБА

Одной измучена мольбой, одним отмечена клеймом,
Одним навек опалена ошеломительным огнем.

Весь луг окрашен в красный цвет, твой взгляд — виновник стольких бед.
Нарциссы глаз твоих разят безвинных пленников мечом.

Зачем на завтра уповать? — Сейчас вина вели подать.
Нет завтра у твоей любви — погаснет с утренним лучом!

Пред взором мысленным моим все тает, как жаровни дым,
И в небо зрячая Махфи глядит невидящим зрачком.

ЧУЖБИНА

Я над собою не вольна, овладевает мною страсть.
Но опыт прошлого со мной, он не позволит мне пропасть.

Не сдержит сердце крови ток и вздохов рвущийся поток...
О, помогите мне, друзья, теряю я над сердцем власть.

Как ты далек, родимый край. Ты, ветерок, туда слетай.
Цветет индийская земля, слезами напитавшись всласть.

Где ты, спокойствие мое, обетованное жилье,
Где вереница юных лиц — моей души и сердца часть!

Здесь каждый вздох больной души, как гулкий колокол в тиши,
И те, кто видит боль мою,— удел земной готовы клясть.

В Кашмире жизнь моя пройдет. Не скоро Судный день придет,—
Надежды на спасенье нет, разлука — худшая напасть!

ПОТЕРЯНО СЧАСТЬЕ

Я не Меджнун, зачем же мне познать безумье довелось?
Зачем в безрадостной любви изнемогать от стольких слез?

Напластования обид подобны каменной горе,
Я, как Фархад, долблю киркой неподдающийся утес.

Пой, соловей, наперсник мой, утешь меня своей тоской.
Мне арганун сулил покой, когда ему внимать пришлось.

Со мною неразлучна грусть, ее я знаю наизусть,—
Мне в раннем детстве в молоко печали выдавили гроздь.

Но где источник бед лихих, кого винить: своих, чужих?
Махфи с начала юных дней шипы вручили вместо роз.

ПЛАЧУ

Я — слезы, хлынувшие вдруг, их удержать не суждено:
Сквозь тесный частокол ресниц они прорвутся все равно.

Я — длань, что в муках ворот рвет, Меджнун, что встречи
тщетно ждет,—
С тех пор как мы разлучены, все безнадежно и темно.

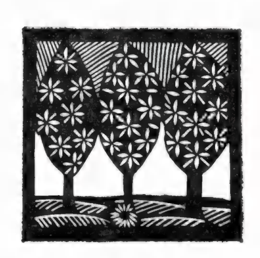
О птица сердца — соловей, рыдай над участью моей.
Здесь пенье раннее твое мне утешение одно.

Повсюду под моей пятой сухой бурьян, татарник злой,
Индийский златотканый шелк колюч, как грубое рядно.

Я ночью не смыкаю глаз, готов дорожный мой припас.
Вдруг дверь откроешь ты сейчас... Жду чуда,— сбудется ль оно!

Терпеньем сердца я горжусь: несу по жизни скорбный груз,
С печалью тесен мой союз, с ней примирилась я давно.

Махфи, ты пламень не зальешь, хотя годами слезы льешь,
Глазами, полными тоски, тебе глядеть на мир дано.



УДАР СКОРБИ

Столько вынесла я горя, что кричать я не могу.
И с истерзанного сердца тяжесть снять я не могу.

Мотылек я, опаленный ослепительной свечой,
О любви неутоленной рассказать я не могу.

Я судьбой была одета в одеяние беды,—
Благоденствия одежды надевать я не могу.

Мне напрасно открываешь тайну сердца своего,
Простодушна, как ребенок, тайн держать я не могу.

О Махфи, в долине этой верный путь ты не нашла.
Я от поисков устала, вновь искать я не могу.

ГДЕ?

Злой факел сердце мне обжег, а ты, родник студеный, где?
В песках источник слез засох. След, прахом занесенный, где?

Где юности мгновенной пир, живой беспечный эликсир,—
Давно он выпит до конца. Сосуд опустошенный где?

Неотвратима круговерть: идет на смену жизни смерть.
А небо жаждет новых жертв, смысл, в этом заключенный, где?

«Пусть,— пожелала я,— во сне любимый мой приснится мне».
Но сон бежит от глаз моих, покой в ночи бессонной где?

О, книга тайная творца, счет, не имеющий конца!
Кто истину, Махфи, постиг? Муж, жизнью умудренный, где?

КТО ИЗВЕСТИЛ?

О тайных горестях моих кто птиц беспечных известил?
Кто малый мир, подвластный мне и подопечный, известил?

Скрывала я свою беду от вездесущих глаз людских,
Но кто же о ночных слезах день быстротечный известил?

Твои слова, как пьяный мед, но в сердце трезвый был расчет,
О тайне, ведомой тебе, ты бессердечно известил.

И целый мир узнал о том, что знали только мы вдвоем:
И шах узнал, и раб потом,— ты первых встречных известил!

Махфи, сумей скорей уснуть, во сне придет к спасенью путь.
Кто скорбь в тебя сумел вдохнуть, о муках вечных известил?

Я ЛИШЕНА

С тех пор как я окаменела, живу, страданья лишена.
С бедой сродниться я успела, навек свиданья лишена.

Переживет мое терпенье всю терпеливость сторожей.
Я, как Меджнун, живя в забвенье, людей вниманья лишена.

Мне безразличны ложь и правда. Я равнодушна ко всему.
Душа тревожного смятенья и трепетанья лишена.

Пусть в свитке жизни изначальном удел людей определен —
Не верю я в предначертанье — я унованья лишена.

Мольбы и вопли угнетенных не задевают никого.
Махфи, ты каменною стала, ты слез сверканья лишена.

Я ВСЕ СОЖГЛА

На разграбленье, на разор я дом свой отдала.
Своею собственной рукой я стены подожгла.

О, пламень сердца, от него одежда занялась,
На этом огненном пиру я все сожгла дотла.

Я и рукой не шевельну, чтоб жизнь свою спасти.
Мне кандалы любви милы, хоть ноша тяжела.

Горжусь я тем, что быть могу с собой наедине,
Руины лучше, чем сады, где роза расцвела.

Подобно птице на току, искала счастье я,
Мне повезло — я зерна слез в сухой степи нашла.

Пускай у вас, друзья мои, как чаша, жизнь полна.
А мною выпито до дна все то, чем я жила.

Махфи, смежаются глаза, подернутые сном,—
Кончай свой горестный рассказ, хочу, чтоб ты спала.

ЗДЕСЬ

Обетованный уголок, любви обитель здесь.
Султан, покинувший чертог, простой служитель здесь.

Тут ловко спрятаны силки рассыпанных кудрей,
И манит родинка-зерно — наш искуситель здесь.

Мы пьем из пиршественных чаш, неясен ход судьбы,
Все под запретом, лишь вино, наш погубитель, здесь.

Пей скорби яд! Обид не прячь и жалуйся и плачь,
Знай, не судья и не палач, а тайн хранитель здесь.

За опьянением ночным придет похмелья дым.
Махфи, неужто пьяный пир — твой исцелитель здесь?

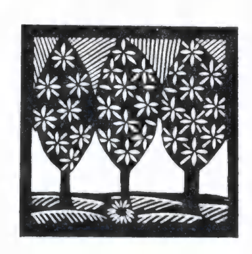
ЖИВИ МГНОВЕНЬЕМ

Кравчий неба наполняет лунный кубок серебром,
Чтоб плеснуть вино на землю с первым солнечным лучом.

Плачу я, но не слезами — кровью сердца исхожу.
Опьяненный виночерпий перепутал кровь с вином.

Я судьбе не прекословлю, ничего уже не жду,
Предначертано мне роком разувериться во всем.

О Махфи, живи мгновеньем, наслажденье в нем ищи,
И на свадьбе и на тризне — все бездумно за столом.



ВНИМАЙ ВСЕМУ

Я без участья проживу и без любви друзей моих.
Хочу побыть совсем одна, уйти от зорких глаз людских.

Толкуют всюду о любви, как будто смысл особый в ней,—
Хочу я радость обретать в речах разумных и простых.

Шипами ранен соловей, летевший на свиданье в сад,
Садовник руку уколол той розой, что пышней других.

Как солнце раннею весной, твой лик сияет красотой.
Зачем тебе скрывать лицо завесой локонов тугих?

От жизни я не жду щедрот, бедой отмечен каждый год.
Замедли, время, быстрый ход, просыпь зерно из рук своих.

Весна и осени пора сроднились, как с сестрой сестра.
Закон единства бытия глаз прозорливый видит в них.

Внимай всему, глухим не будь, вникая, постигаешь суть,
Сумей уста свои сомкнуть, советов слушайся благих.

Любовь — подарок тем, кто юн, кто безрассуден, как Меджнун.
У моря нету берегов, повсюду ропот волн крутых.

Махфи, попалась ты в силки, в тенета крепкие тоски,
Птенец едва умел летать, он гибнет ныне без родных.

УЙДУ

Постучусь я в час рассвета, только гляну и уйду.
Жизнь свою отдам за это: тихо встану и уйду.

Плачу я без облегченья, слезы лью, как дождь весенний...
Всколыхнув кустов цветенье, с той поляны я уйду.

В каждой ране — боль сквозная, будто стрелы я скрываю,—
Ими я врагов терзаю. Невозбранно я уйду.

Если нашей веры сила сразу счастья нас лишила,—
Четки бросить я решила и к смутьянам я уйду.

Сжалься, смерть, прошу пощады, мне отсрочки малой надо,
Дай побыть мне с милым рядом, утром рано я уйду.

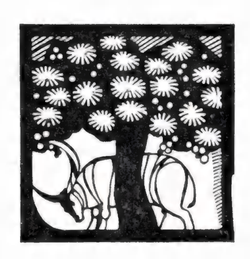
Мой садовник, сад чудесен, расцветился солнцем весь он,
Но, в слезах от птичьих песен, встав нежданно, я уйду.

Отыскать лекарство нужно на базаре. Мне недужно,
Болью жар мой не остужен, ноет рана — я уйду.

Не забыть мне муки страстной, ухищрения напрасны,
Как Меджнун, мой друг несчастный, от тирана я уйду.

Сил своих остаток трачу, я рыдаю, слез не прячу,
Расставаясь, люди плачут — мне не странно, я уйду.

Все желания запретны, их достичь хотела тщетно,
О Махфи, стань незаметной. В мир тумана я уйду.



ПЛАМЯ ВЗДОХОВ

Я плачу, и потоки слез мой орошают сад.
Там запах розовых кустов печально-горьковат.

К губам я кубок подношу, но выпить не могу,—
В нем не вино, а кровь моя пылает, как гранат.

Я стала радость находить в страданиях самих,
Я раны сердца бережу — они кровоточат.

Пусть мысли спутаны мои, как локоны твои,
Я в жизни скромной и простой нашла бесценный клад.

Пускай камфарная свеча не светит на пиру,
Там вздохов горестных моих костры светло горят.

Махфи окутал ветерок дыханием своим.
Вдыхаю свежесть — для чего иной мне аромат?

ЖАЛОБА

В твоем саду я соловей, я трелью исхожу, звеня.
Садовник, розу пожалей, я расцвела, не рви меня.

Слепой Якуб опять прозрел, целуя край твоих одежд.
Топчи мой прах под смех невежд копытом грозного коня.

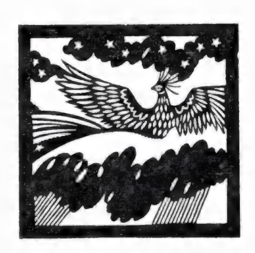
Я у ворот стою и жду, пусть стража гонит, не уйду.
Я пыль ресницами мету, себя с метлою единя.

Я поняла, что я в силках, меня объемлют стыд и страх,
Пускай узнают друг и враг, что я живу, судьбу кляня.

Анка, где твой потерян след? О счастье, есть ты или нет?
Не знаю я твоих примет, бездушный небосвод виня.

Живет соперница моя в горах, за каменной стеной,
Мой стон зажжет ее порог — она погибнет от огня.

Пока не поздно, соловьи поют в честь розы. Ты, Махфи,
Закат увидела любви, начало сумрачного дня.



СТЕНАНИЕ

В цветнике я пить не стану поднесенного вина,—
Я весенним ароматом роз твоих упоена.

Пусть меня за воздержанье сотрапезники простят,
Стоит чуть пригубить чашу — слух пойдет, что я пьяна.

Сердце, как бутон увядший в облетевшем цветнике,
Стала я рабыней скорби, и тюрьма моя темна.

Сердце бьется в тесной клетке. Отдохни, терпенья нет,
Не молю о сострадапье — жизнь мне стала не нужна.

О души моей порывы, вы, как сокол, пленены,
Рветесь ввысь, в простор небесный, там покой и тишина.

Средь людей я одинока, как страдающий Якуб,
Предо мною отчужденья неприступная стена.

По веленью небосвода всадник выбит из седла.
Каменистою тропою босиком бреду одна.

Вдаль уходят караваны, колокольчики бренчат.
О Махфи, в звучанье этом не твоя ль печаль слышна?

ЗАПАХ КРОВИ

Ты страдающих влюбленных отличишь легко всегда,
Так от взора звездочета не укроется звезда.

Глубь познания мечтает книгочий из книг извлечь,
Только высшую премудрость не познает никогда.

Благоденствия лишилась ради страсти Зулейха,
Знай, любовь не торг базарный, где торгуют без стыда.

Тот, кто вздумал над влюбленной розоликой подшутить,
Опасается возмездья, словно Страшного суда.

У сраженного любовью нет ни шрамов, ни рубцов,
Злые стрелы убивают без кровавого следа.

Кто скорбит, пускай забудет про целительный покой,
На лице печать страданья, ведь тропа любви крута!

Кровью сердца и слезами ты наполни свой бокал,
Но такое опьяненье — и несчастье и беда.

Соловьи в садах печали изнывают от тоски,
Запах крови источают розы, рдея, как руда.

Веры древние законы растерзала бы Махфи,
Колокольчика иного чистый звон дошел сюда.

ГОВОРИТ

Тот, кто вслух о самом главном, сокровенном говорит,
Нерасчетливо об этом всей вселенной говорит.

Так томленья не скрывает на лужайке соловей,
О возлюбленной жестокой и неверной говорит.

То, что ты изнемогаешь, подтвердил звенящий саз,
Он о жалобах и страсти дерзновенно говорит.

Птице сердца угрожая, локон хитрый свил силок,
Сказку ей о куропатке легковерной говорит.

ВЛАЖНЫЕ ГЛАЗА

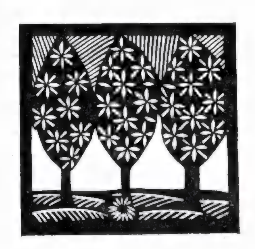
С тех давних пор мои глаза влажны от непролитых слез,
А увлажненные уста бледнее предрассветных роз.

Ведь кровью сердца своего я переполнила бокал,
И потому моим устам вина пригубить не пришлось.

Вдыхаю запах сердца я, горящего в огне беды,
Оно — обугленный кебаб, пробитый вертелом насквозь.

Всех, кто на этот пир придет, хочу, волнуясь, я узнать,
Замглились радости глаза, увидеть свет не довелось.

Махфи, об участи своей бралась ты спрашивать судьбу,
Но не ответила судьба тебе ни разу на вопрос.



РЕКА ИЗ ГЛАЗ

Как Тигр-река, из глаз моих струятся слезы день за днем,
Грудь разрывает тяжкий вздох испепеляющим огнем.

Влюбленный в розу уколол себя об острые шипы,
И серны плачут, что в степи трава засыпана песком.

Побудь, останься, отдохни, уже привал недалеко,
Еще совсем немного сил — и до него мы добредем.

Как пересохший водоем, глазницы темные мои.
Теснится Тигр-река в груди,— глаза не ведают о том.

Махфи, о царственной парче и об атласе не мечтай —
Богаче ты иных владык в суфийском рубище своем.

ВСЕ РАСЦВЕТЕТ

Улыбка — розовый бутон, в одно мгновенье расцветет,
И роза, слыша соловья, от восхищенья расцветет.

Когда залетный ветерок вдруг донесет твой аромат,
То сердце дрогнет, как бутон, и от томленья расцветет.

Закружит голову мою далекий запах нежных роз,
Печаль рассеется моя, мысль в опьяненье расцветет.

Друзья, мне Индия чужда, я чахну здесь в солончаках,
В Кабуле вешнею порой душа в волненье расцветет.

Зови, Махфи, свою любовь, в песках раскроется бутон —
Он за терпение твое в вознагражденье расцветет.

ТВОЯ ВЛАСТЬ

Ты беспощадней с каждым днем, в твоей я власти,
Моя любовь к тебе — позор, одно несчастье.

Ступай, наставник, от меня. Я задыхаюсь,—
Изнемогая, ворот рву — гляди — на части.

Не слезы — кровь свою цежу я сквозь ресницы,
Долину участи моей вы, слезы, красьте.

Мне рану в сердце не зашить иглой искусной,
Она раскроется опять от новой страсти.

Махфи, спасенья не найдешь, оставь попытки.
В судьбе, что рок предначертал, не будет счастья.

КРОВАВЫЕ ВОЛНЫ

Когда вчера передо мной прошел в багряном платье ты,—
То слез моих иссяк родник от блеска гордой красоты.

И ты обжег мой скорбный взор, и в чашу слезную с тех пор
По капле каплет кровь моя, она красна до черноты.

Мечты слезами изошли, не в силах их впитать земля.
Они насытили Джейхун, и волны гибельно круты.

Смерть занесла с усмешкой плеть,— на жертвы страшно поглядеть.
Кровь, красной пеною хлеща, достигла звездной высоты.

Таков наш путь — тропа беды, как раны, запеклись следы,
Но там, где шествовал Меджнун, одни пески шуршат, пусты.

Такой кромешный мрак настал, что и светильник не сиял,
Хоть стонов разразился шквал и были молнии часты.

Махфи, надежд заброшен дом. Чего же мы, волнуясь, ждем?
Прошел последний караван, и в книге кончились листы.

СТРАНА ЛЮБВИ

Разлуки бремя тяжелей, безмерней всех людских утрат.
Кровь стынет в сердце, и слеза слепит неутоленный взгляд.

Но где-то есть страна любви: там, на кого ни посмотри,
Перед тобою иль Меджнун, иль несгибаемый Фархад.

Там нить любви не разорвать, там страсть не смеет иссякать,
Влюбленный там всегда красив и чувством истинным богат.

А здесь пустыня предо мной, живое — выжжено тоской,—
Обитель слез, приют беды,— Махфи, твой разоренный сад.

ПРИДЕТ ВОСХОД

Покуда ветерок в саду снует
И розам в цветнике потерян счет,

Надежда согревает нам сердца,—
За ночью следом жалует восход.

Влюбленный соловей, не улетай,
С тобою в лад печаль моя поет.

Мне сласть свиданья выпить не пришлось,
Но горечь слез мой увлажнила рот.

Я вдаль смотрю, но медлит караван,
Рассветный ветер весть не принесет.

И если ты безжалостен к Махфи,
Пусть справедлив к ней будет небосвод.

СКОРБЬ СО МНОЙ НЕРАЗЛУЧНА

Я — та, которая влачит скорбей и горя мрачный гнет.
Я — та, в чью страждущую грудь покой душевный не придет.

Скажи, о ветер, соловью, чтоб о себе он позабыл:
Готовый жертвовать собой иных путей не изберет.

На том блистательном пиру, когда не вижу я тебя,—
Мне солнце кажется свечой, что тусклый свет едва дает.

Из позолоченных сетей меня не для того ты спас,
Чтоб на пути моей любви не избежала я тенет.

Махфи, не келья — погребок тебя избавит от тревог,
Там выпьешь истины глоток и отдохнешь от всех забот.

ПЛАМЯ

В твоей улыбке и глазах горит любви примета — пламя.
Побудь, возлюбленный, со мной, гляди: и я одета в пламя.

Для мотылька моя ладонь — сейчас губительный огонь.
Союз влюбленных узаконь: священнее обета — пламя.

Быть саламандрою в огне иль рыбой в синей глубине,
Влюбленной, безразлично мне, везде источник света — пламя.

Сожги меня, измучай, страсть, натешься надо мною всласть.
О, соловьиная напасть,— и в розе, в час рассвета, пламя.

Пусть в сердце бедное твое огня вонзается копье.
Махфи пыталась воду пить, но вновь глотнула это пламя.

ИДОЛОПОКЛОННИЦА

Я только идолам молюсь, ислам мне не знаком,
Я завиток твоих волос храню от всех тайком.

Ты, разум, не кори меня, позором не стращай,—
Любовью я опьянена, и все мне нипочем.

Но это робкие мечты — нет друга у меня.
И равнодушия стена вздымается кругом.

Друзья, ровесники мои, где ваша доброта?
Я сострадания ищу — нет жалости ни в ком.

К чему искать ее у тех, живущих средь утех?
Они сочтут за тяжкий грех заботу о больном.

«Зачем рыдаешь, соловей? — смеется ветерок.—
Напрасно изнываешь ты один в краю глухом».

В скирде страданья скорбь моя — ячменное зерно.
Была я вскормлена бедой, как в детстве молоком.

Ты ждешь свидания, Махфи? С разлукой примирись
Нет роз без ранящих шипов в неверном мире сем.

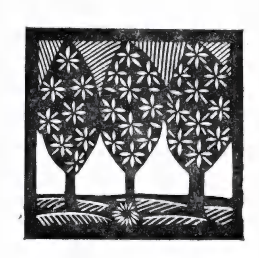
Я ДРУЖБУ ПОТЕРЯЛА

На свете трудно жить одной — я дружбу с милым потеряла,
От горя сделалась больной — я дружбу с милым потеряла.

О, безрассудство, корень зла, как я надеяться могла
Быть не подругой, а женой — я дружбу с милым потеряла.

Я одиночеством казнюсь, я тени собственной боюсь.
Печаль моя звенит струной — я дружбу с милым потеряла.

О мой возлюбленный, поверь, ты стал тягчайшей из потерь,
Рыдай, Махфи, во тьме ночной — ты дружбу с милым потеряла.



СЕРДЕЧНАЯ МУКА

Владею тайной я одной, мучительна она.
Скрывать ее от глаз людских я больше не вольна.

Хотела уши я заткнуть, забыться и уснуть,
Но смыслом этим роковым душа моя полна.

И, словно роза без воды, увял бутон в груди,
Он не распустится опять, когда придет весна.

Зачем ты хочешь кровь пролить, грозишь меня убить?
Я беззащитна пред тобой, и жизнь мне не нужна.

Махфи, как колокол в ночи, твой долгий стон звучит.
Отныне до скончанья дней ты мучиться должна.

ОПЬЯНЕНИЕ

Говори об опьяненье, лишь о нем тверди одном.
Преклони свои колени перед брызжущим вином.

Если ты средь пьяных пьяный, все равно на ноги встань,
Прикоснись рукой к бутыли и не думай ни о чем.

Если ты летать захочешь, то высоко вознесись,
Но, к униженным спустившись, будь им братом и отцом.

Друг, не стань прекраснодушным, говорит тебе Махфи,
И всегда на поле битвы беспощаден будь с врагом.

СТРАДАЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

Кто успехом обольщался, жил в зазнайстве и гордыне,
У дверей своей любимой, словно нищий, встанет ныне.

На заре порвав рубашку, облетел цветок надежды,
Оттого прервали трели стаи птиц в небесной сини.

Красота твоя бессмертна! И поступит справедливо
Тот, кто все богатство мира в дар тебе под ноги кинет.

Нас двоих на этом свете только бог один рассудит,
У тебя, я знаю, нету справедливости в помине.

О Махфи, когда услышишь ты приветливое слово,
Расцветет от счастья сердце и его беда покинет.

ГРАНИТНЫЙ ДОМ

Как мне насилья избежать?
Пора терпенья сбросить кладь

И, не раздумывая впредь,
От притеснителей бежать.

На их разгульные пиры
Доколь в неведенье взирать

И средь враждебных мне людей
Хранить молчания печать?

Махфи, построй гранитный дом,
Чтоб тайны в нем верней скрывать.

БЛАЖЕННЫЙ ОСТРОВОК

С той поры, как сжег на свечке крылья первый мотылек,
Опустел мой темный угол, там не бьется огонек.

Столько перлов расточили очи слезные мои,
Нить мерцающих жемчужин скрыл безвременья песок.

Мне не счесть примет разлуки, все предчувствием полно—
Жизни срок к концу приходит, но разлуки вечен срок.

Обделил нас виночерпий, наслажденье дал другим,
Кровью сердца наши чаши переполнил смутный рок.

Для чего, суля безумье, завитки твоих волос,
В цепь одну соединяясь, обвились вкруг рук и ног?

Смерть потопит все живое, ненадежен наш ковчег.
Дом, где были мы с тобою, смоет времени поток.

О Махфи, в глубинах сердца ты зажгла огонь любви,
Чтоб среди руин зловещих цвел блаженный островок.

Я СТРАДАЛА

Я над собой теряю власть, молю друзей о сострадание.
Пусть сердце бедное мое возьмут, как птицу, на закланье.

К чему на счастье уповать, зачем с глупцами толковать?
От мудрого совета ждать не лучше ль в тщетном упованье?

Где сердце? Грудь моя пуста, безмолвны робкие уста,
Близка предвечная черта, за ней все решено заране.

Зачем невежды слушать бред, тупую злобу и навет,
Мы жизнь проводим средь бесед с глупцами — нет нам
оправданья!

Корабль некрепкий мой разбит, а буря хлещет и шумит...
Доколе избавленья ждать в немилосердном океане?

ПРЕНЕБРЕЖЕТ

Тот, кто тобой пренебрежет, получит пустоту взамен.
В его кощунственных руках монеты превратятся в тлен.

До Судного мытарясь дня, он будет жить, себя кляня.
О, как посмел он пред тобой не преклонить в мольбе колен?

Ты, сердце, грудь мою не жги, огня не трать, прибереги.
Ведь можно искоркой одной сжечь мир, желая перемен.

В разлуке пробую писать — боюсь, сгорит моя тетрадь,
Слов огнедышащая рать пылает, словно кровь из вен.

Махфи не может жить скорбя, тоску безропотно терпя.
О, горе, если небосвод в удел нам посылает плен!

ВСТРЕЧУ ТЕБЯ

Ты — гуляешь в саду, я — иду неторенным путем.
Я — сгораю в разлуке, ты — шутишь за пьяным столом.

Знатный ты властелин, я — невольница в ржавых цепях.
Ты — гордынею полн, я — влачусь по степи босиком.

Я — паломница, ты — источаешь божественный свет.
Я изранена насмерть твоим беспощадным мечом.

Что мне делать, кто скажет? Кто мне избавленье пошлет,
Ведь отметила верность стучащее сердце клеймом.

Поступай, как желаешь,— в измене тебя не корю,—
Взгляды знатных красавиц тебя обжигают огнем.

Брови — гнутые луки, мне в сердце метнули стрелу.
По ошибке зайди, посети хоть случайно мой дом.

Я, Махфи, говорю: я когда-нибудь встречу тебя,
Мне надежда сияет своим предвозвестным лучом.

ТВОЕ МОГУЩЕСТВО

Рой черных локонов густых от взглядов лик скрывает твой.
В груди обугленной моей ты засветил огонь живой.

Твое лицо белей, чем ртуть, и, если на него взглянуть,
Оно, как океана суть, являет бурю и покой.

Тебе могущество дано: твой взор воспламенил вино,
Дурманит он меня давно своею властностью хмельной.

В румянце — розовость зари, огонь, светящий изнутри,
И устыдились соловьи, поникла роза головой.

Ты в сердце, выжженном до дна, любви посеял семена.
Опустошенная страна покрылась юною травой.

Сегодня мне приснился ты: разрушив дом моей мечты,
Чтоб я жила средь нищеты, невольный совершил разбой.

Там птица вещая Хума дарит сокровища ума...
Бессильно отступает тьма, и день тускнеет пред тобой.

Махфи, неистов слез поток, он челн твоих надежд увлек.
Куда его погонит рок, такой нелепый и слепой?

ПИШУ ТЕБЕ

Пишу тебе, хоть знаю я, что ты посланье не прочтешь,
Не развернув, не поглядев, его порвешь или сожжешь.

О боже, милость мне яви, не дай сгореть словам любви,
Душа моя была в крови, ее пролил разлуки нож.

Над пеплом кружится дымок, звенит последний уголек,
Сгорели просьба, и упрек, и недоверие, и ложь,

Но жарко светятся слова, их только два, всего лишь два:
Любовь жива, любовь жива — под слоем пепла ты прочтешь.

НЕВМОГОТУ

Без розы твоего лица прожить мне час невмоготу.
А при тебе открыть уста для робких фраз невмоготу.

Смеясь, весенняя гроза омоет ливнем небеса,—
Сквозь слезы весело шутить, мой друг, сейчас невмоготу.

Среди смеющихся подруг беспечной притвориться вдруг,
Как будто в мире нет разлук, мне каждый раз невмоготу.

Жизнь без свидания трудна, надежд и смысла лишена,
Ведь даже острому копью пробить алмаз невмоготу.

С друзьями на пути своем легко болтать о том, о сем,
Но встретить на пути своем сиянье глаз невмоготу.

Не думай, что Махфи пьяна,— тебя увидела она
И опьянела без вина, вести рассказ невмоготу.

ПЛАМЯ НАСИЛЬЯ

Сияя, красота твоя не душу нам огнем сожгла,
А весь подлунный этот мир и все, что было в нем, сожгла.

Зачем гордишься, мотылек, что ты свечою опален?
Свеча любви спалила всех, живое все кругом сожгла.

О, где ты, слез моих роса? Насилья пламень жжет меня.
Жара дыхание мое и мысль в мозгу моем сожгла.

Махфи, свой кубок пригуби, чтоб терпкость этого вина
Все легкомыслие, тщету, всю суету, как гром, сожгла.

ПОЧЕМУ?

Почему в разлуке с милой люди пьют, грустя, вино?
Почему тому, кто любит, притворяться не дано?

Почему на вид суровый, равнодушный человек,
Соловьиный свист заслыша, плачет сам, когда темно?

На исхоженной дороге твой светильник чуть горит.
Почему же беззаботно ждешь того, что суждено?

О Махфи, чужие тайны ты умеешь сохранять,
Почему свои секреты рассказала всем давно?

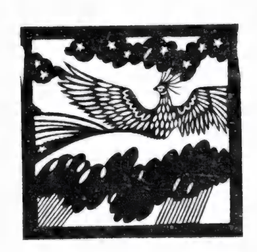
ЗА ЧТО?

Где друг, чтоб сразу мог постичь, что в ум коварный забрело?
Что на скиталицу, скажи, несчастья бремя навлекло?

Мертвец, увидя дивный лик, отбросит саван гробовой.
Я виновата без вины, за что мне угрожает зло?

Ведь если б люди не могли изведать сладости любви,
Зачем красавицам смотреть на то, что сердце им сожгло?

И если стоны соловья не тронут розу на лугу,
Зачем багряною росой ей красить юное чело?



ЧТО ЗНАЧИТ ЖИТЬ?

Что значит жить? Среди цветов в беседке благовонной жить?
В очарованье день за днем довольной и влюбленной жить?

Или покрыть свои черты хламидой мрачной нищеты,
Как Хызр, уйдя от суеты, в пустыне отдаленной жить?

Не всем такая честь дана. Не телом, духом я сильна.
От крови сердца я пьяна, здесь легче опьяненной жить.

Постылы пышный вид дворца и ложь наемного льстеца,
Здесь тяжко мысли мудреца под спудом погребенной жить.

Весна души, ты отцвела, мгла небосвод заволокла,
Я тесный ворот порвала, доколе мне плененной жить?

Невыносим разлуки ход, он как зиндана мрачный свод,
Должна, как Нух, я среди вод в тоске неутоленной жить.

Махфи, развился локон твой, нарушен прежних мыслей строй,
Доколь с истерзанной душой, страданьем умудренной жить?

ДОКОЛЕ?

Доколе в этом мире жить мне, слезы тайные точа?
Доколе за разлуки боль на всех сердиться сгоряча?

Что жизнь кратка, я не страшусь. Землей меня засыплют пусть,—
Но расставанья труден груз, согнулась я, его влача.

Отвергнув жизни благодать, одна пойду тебя искать.
Друзей с собой не стану звать, в жестокосердье улича.

На свечке ярый воск оплыл, спалил он столько легких крыл,
Блаженных мотыльков сгубил... Ты — памятник любви, свеча.

Махфи, тебя насилья меч избавит от тревог и встреч.
Доколе пленнице любить так безрассудно палача?

ИССЯКЛИ СЛЕЗЫ

Если ты мне не поможешь, нет целителей других.
Грусть со мною неразлучна до скончанья дней моих.

Этой долгой темной ночью унеси светильник прочь,—
Пламя сердца освещает скорбный дом, он пуст и тих.

В наше время процветают только хитрые льстецы.
Где найдешь бальзам покоя для измученных больных?

Бросил сеятель предвечный в землю горя семена,
И взошли ростки печали посреди степей пустых.

Волны пенного потопа гневно треплют мой корабль,
С каждым днем они грознее, и не скрыться мне от них.

У Махфи иссякли слезы, вместо них струится кровь,
Продают шипы и розы,— и одна цена на них.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Ты, сердце, вспомни хоть на миг свою отчизну, дальний край,
Над кипарисом луговым печальной горлицей стенай.

Зачем скрываться под фатой, дай насладиться красотой,
Будь как светильник золотой, людские души озаряй.

Мой соловей, слагая песнь, излейся в этой песне весь,
Рулады пряные развесь, в честь розы пой, не умолкай!

А ты, Ширин, смирясь с судьбой, Хосрову верной став
женой,
С невыразимою тоской, молясь, Фархада вспоминай.

Исчез Юсуф твоей души, Махфи, уединись в тиши.
Обитель скорби есть в глуши, твой путь лежит туда,—
ступай!

ВИНО ПЕЧАЛИ

Пусть беде моей внимают те, кому внимать дано.
Тщетно тайну я скрывала, всем известную давно.

Словно воск, нас расплавляет пламя алчное любви,
Только каменному сердцу быть бесстрастным суждено.

Мы умрем, но будет так же равнодушен небосвод,
Не прервет круговращенья ледяного неба дно.

В безысходности, как в море, разобьется бренный челн.
Лик утраченного счастья не увидеть все равно.

Мимо цели пролетели стрелы всех моих надежд.
Видно, жить без упований мне судьбой предрешено.

На лугах цветы завяли, замолчали соловьи,
Нас пьянит вино печали, но доколе пить вино?

О друзья, богатство ваше ветер скорби разнесет,
Ждите милости у неба, вдруг расщедрится оно.

Ты, властитель, про деянья Искандара прочитай.
Вспомни: крыльями забвенья царство Дары сметено.

Разве тяжесть пресыщенья голодающий поймет?
За столом друзья пируют. У Махфи в глазах темно.

НЕВЕДЕНИЕ

Луч смеется, если туча в теплый день весенний плачет.
Роза полнится росою и в разгар цветенья плачет.

Мне разлука заставляет изнывать от горя сердце,
И глаза, лишаясь света и теряя зренье, плачут.

На Ширин Хосров женился, он достиг желанной цели,
А Фархад один в ущелье, не стерпев мучений, плачет.

Мотылек сгорел от страсти, на свиданье он стремился;
На пиру свеча пылает, исходя в горенье, плачет.

Этой жизни срок недолог, он окончится мгновенно,
Видя в тьме свое начало, все ночные тени плачут.

И, неведеньем объято, человечество не знает,
Что глядит на смертных небо и от сожаленья плачет.

Я, Махфи, неверность мира, бренность жизни испытала,
Видя саван погребальный, пусть душа в смятенье плачет.

ПАЛЬМА МЫСЛИ

Я отрешилась от всего, и стала жизнь моя легка.
Разлуки пью смертельный яд, моя отчизна далека.

Где ты, свидания щербет? Мне ждать и жаждать силы нет.
Я дочь безумия и бед, на сердце тяжесть и тоска.

Тебя любить мне не велят, и попрекают, и корят,
И камни — все, что есть,— подряд в меня летят издалека.

Я пальма мысли, что дает раздумий сокровенный плод,
Благоуханны те плоды, пусть ноша их ветвям тяжка.

Махфи, мечты свои таи, на сердце узел затяни,
Пусть тайна та, что жжет уста, вовек не сходит с языка.

СУД СЕРДЦА

Дождь, возвещая твой приход, обрызгал зелень трав,
Бутон полуоткрыл свой рот, к твоим стопам припав,

Юсуф и тот остолбенел, забыл родимый край,
Увидев юное лицо, с него завесу сняв.

Любовь, ты боль, что всех древней, кто заболел тобой,
Свиданьем будет исцелен, все средства перебрав.

Хотанским мускусом пропах твоих кудрей поток,
Целебна пыль твоих дорог, для глаз сурьмою став.

Влюбленным нравиться должны твои стихи, Махфи.
Суд сердца, справедливым будь, все мнения поправ.

БЕЗ СОСТРАДАНЬЯ И ЛЮБВИ

Не доверяйся ветерку, что треплет волосы твои.
Не жалость — осиянный край своею милостью яви.

Лети отсюда, ветер мой, неси привет туда, домой,
Там розы, там цветет мой сад, неутомимы соловьи.

Я так здесь плакала навзрыд, что даже скорбь меня бежит.
Я жить привыкла без друзей, без состраданья и любви.

Не прогоняй меня, прошу, как ива зябкая, дрожу.
Ранимо сердце у меня, чуть тронешь— и оно в крови.

Познала я пустыни зной. Сомкни уста, молчи со мной.
И пожалей свою Махфи, печали ядом не трави.

НОЧЬЮ ЭТОЙ

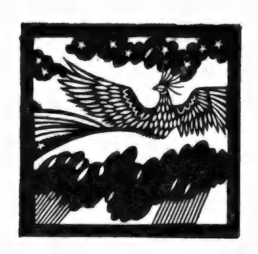
Неуловимый аромат от роз струится ночью этой,
И я увидела в мечтах твои ресницы ночью этой.

Я стала плакать горько, чтоб все бурный поглотил потоп,
Но не могла печаль моя до дна излиться ночью этой.

Как рассыпались соловьи весь день в прибежище любви!
В саду разлуки я опять должна молиться ночью этой.

Я вслед тебе хочу брести, сжимая прах дорог в горсти,
Но где тебя мне обрести? Лишь пыль клубится ночью этой.

Одним желанием жива, Махфи твердит в бреду слова:
«Зачем так вышло, что пришлось нам разлучиться ночью
этой?»



СГОРЕЛИ СТОНЫ

Стал пеплом жар любви моей, вчера мне тело жег огонь,
Одежда пламенем взялась, ее не уберег огонь.

Как будто руты семена, мысль беспощадно сожжена,
Сгорели речи, письмена — их в свой костер вовлек огонь.

Душа в слепящих языках, ее спалил стихии взмах.
Сгорели стоны на устах, печаль мою увлек огонь.

Мне снилось ночью: я в толпе погибших от любви к тебе,
И саван вспыхнул, как свеча,— всеяден и жесток огонь.

Полночный стон и ранний стон, как перенес их небосклон?
Нет больше звезд, сожжен бутон, но светел твой чертог, огонь.

Ресницы, словно бурелом, слепящим схвачены огнем.
Хочу заплакать, но о чем? Махфи, твой уголек — огонь.

НЕКОМУ ДОВЕРИТЬ ТАЙНУ

О сердце, птицею лети в весенний сад, он свеж и тих,
Но там не встретивший любви цветов не видит никаких.

Я тайну не доверю тем, кто сам не знает, жил зачем,
Кто не был скован по рукам цепями локонов витых.

Я много вынесла скорбей, безмерных для души моей,
Но нет на всей земле страшней разлуки часа, будь он лих!

Спрошу я сердце: «Для чего изнемогало ты в мольбах,
Что, кроме стонов, обрело у ног кумиров золотых?»

Я горем не огорчена, мне радость тоже не нужна,—
Румянец щек и свежесть роз — недолог век короткий их.

Махфи, твой луноликий друг, поверь, не стоит стольких мук.
Зачем торговцу мускус лить на землю в пу́стынях глухих?

ЛАЛ В КОРОНЕ

Аллах мой! Этот светлый луч не ты ли нам послал?
Он ослепил мои глаза, он болью сердца стал.

Кто муж с божественным челом из сада красоты?
В короне падишаха он сверкает, словно лал.

Вокруг него круженье лиц, сплетенье небылиц.
С холодным безразличьем он всем россказням внимал.

Он на меня взглянул в упор, явил участье взор,
Кто друг его и недруг кто — никто мне не сказал.

Его увидел соловей: сперва, смутясь, умолк
И, очарованный навек, защелкал, засвистал.

На чьем пиру он званый гость, кому познать пришлось
Тот жар, которым мотыльку он крылья обжигал?

Дом, где надеждой я жила, разрушен был дотла.
Он снисходительно спросил: «Кто жил здесь и страдал?»

Сказала я: «Гляди, Махфи безумна от любви».
«Не знаю никакой Махфи!» — ответ его звучал.

СОЛЬ НА РАНУ

Любимый, красота твоя на раны сердца сыплет соль.
Страсть безответная моя разбередила злую боль.

Так умоляла я любовь: когда огонь затеплишь вновь,
Светильню сердца до краев наполнить маслом соизволь.

Вино сияет, как заря, всем радость пиршества даря.
Недобрый кравчий, в кубок мой ты будешь желчь цедить
доколь?

Весь терпкий яд, что в кубке был, ты в чашу сердца
перелил,
И не по силам мне играть судьбой ниспосланную роль.

Махфи, дорога в рай длинна и кровью ран обагрена,
Не знала ты, что этот путь столь скорбен и опасен столь.

* * *

Не ко времени, любимый, в море вышли мы вдвоем,
Расходившиеся волны грозно шутят с челноком.

В царстве скорби мы решили остров счастья отыскать,
Если сердце нам поможет, если выдержит,— найдем!

Счастья, словно подаянья, я униженно прошу,
Так с надеждой смотрит нищий на Хатема щедрый дом.

О Махфи, не будь наивной, не надейся на успех.
Может друг прекраснодушный оказаться вдруг скупцом.

ОЗАРЕНЫ

От вздохов пламенных моих и сад и дом озарены,
Покои спящего дворца, как будто днем, озарены.

Зачем светильник зажигать, когда глазам дано сиять,
Ведь даже розы на лугу любви огнем озарены.

Струись, пурпурный ток вина. Пусть ночь беззвездная
темна —
Мерцанием заздравных чар сердца кругом озарены.

Махфи, так здесь заведено: сияет солнце всем одно:
Лик мудреца, лицо глупца — одним лучом озарены.

НЕВОЛЬНИКИ СУДЬБЫ

Твой дом обходит горе стороной,
Не омрачая светлый праздник твой.

Но оба мы невольники в цепях,
Рок шутит с нами, как волна с щепой;

Друг с другом ссорит и разводит нас,
И мы бессильны справиться с судьбой.

Но колокольчик скорби не звенит,
Покуда в доме царствует покой.

Никто не знает, что в ночной тиши
Нам только слезы суждены с тобой,

Что путь тернист и каждый новый шаг
Кровавой обозначился росой.

И птица сердца плачет горько так,
Что соловей трепещет, сам не свой.

Хмельное нас не радует вино —
Мы от него с больною головой.

Есть в доме все, но только счастья нет,—
Несправедлив к Махфи любимый мой!

ЛАЛ

Найду ли сердце, чтоб оно не знало стонов и скорбей?
Найду ли розу, чтоб она не отцвела на склоне дней?

Как будто хной обагрены, пылают розы в дни весны,
И обессиленно умолк ошеломленный соловей.

Великодушных в мире нет. Их очагов развеян след.
Сухой лепешки не найти для честно верящих людей.

Глаз очарован красотой; пленяет локон завитой —
Ты обманулся пустотой в слепой беспечности своей.

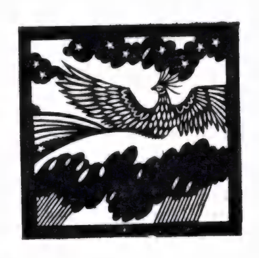
Ты кровь свою, страдая, льешь, но где награду обретешь?
Махфи, пусть мысль сверкнет, как лал, средь тусклой
россыпи камней.

ПОТЕРИ

Любви тебе не отыскать, ее путей конец потерян.
На ней молчания печать, призывный бубенец потерян...

Любви себя всего вручи, но взгляды — черные мечи,
Сражают ими палачи — счет смолкнувших сердец потерян.

Умом не хвастайся, Махфи, бессильна ты в краю любви.
Весной засвищут соловьи — и разум твой, мудрец, потерян.



ПЛАМЯ СКОРБИ

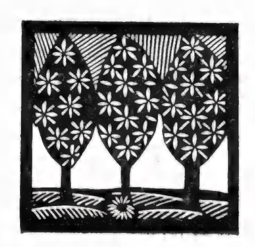
Пламя страсти спалило меня этой полночью снова,
Словно мне поднесли полный кубок вина молодого.

Утром ветер пахнул упоительным вдруг ароматом,
Будто милый прошел невдали от ограды садовой.

В ночь отчаянья мне ли страшиться сгустившейся теми?
Я, как розовый пламень, сияю средь мрака ночного.

Оттого я не знаю тоски от разлуки с любимым,
Что в предвечности дали испить мне забвенья хмельного.

Но, Махфи, каждый волос твой мечен клеймом отреченья,
Пламя скорби тебя сделать пеплом бесплодным готово.



ОГОНЬ И СЛЕЗЫ

Не вином меня поили — растворил мне печень яд,
Этот яд вином блаженства называть теперь велят.

Он огнем мне выжег сердце — там зола и пустота,
Но на лучшее надежду в нем хранить теперь велят.

И того, кто этим зельем был отравлен, как и я,
Никакие уговоры от беды не охранят.

Ох, любовь, не ты ль Юсуфа до могилы довела,
Отчего ж в его злосчастье Зулейху одну винят?

Жизнь, смешав огонь и слезы, злую смесь мне поднесла,
И меня разлука ввергла навсегда в пустынный ад.

Ты, Махфи, останься гордой, как прекрасная Лейли,
Пусть враги тебя бессильно и бесчестят и хулят.

СОЛНЦЕ КРАСОТЫ

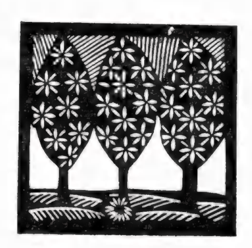
Ты, как солнце, ослепляешь мир сияньем красоты,
У прекрасного Юсуфа этот блеск похитил ты.

Как шипы, твои ресницы: столько ранили сердец,
Что на них теперь сияют капли крови, как цветы.

И томительно взлетают полукружья черных стрел,
Жар зрачков зажег светильник средь кромешной темноты.

Не сулят они блаженства, там таятся хмель и страсть,
Муки жертв, не перенесших бесконечной маеты.

Знай, Махфи, что радость жизни только тот вполне обрел,
Кто, не мучаясь сомненьем, жил легко средь суеты.



ПОКРЫВАЛО

— О сердце, зачем трепетало ты ночью, как птица?
— Разлуки страданье в груди не сумело вместиться!

Зачем мое солнце скрывалось за облаком тонким?
Откинь покрывало, довольно нам ждать и таиться.

Доколе еще нам бояться людских пересудов?
Страсть — смертный огонь, стало сердце и тлеть и дымиться.

Не вспыхнуло пламя от слез, что лила я украдкой,
Но я зарыдала, и начал огонь веселиться.

Довольно, Махфи, ты не будешь отныне беспечной.
О розах забудь, а надеждам вовеки не сбыться!

СЛЕЗЫ—НАГРАДА

Везде тебя ищу глазами, когда теряю образ твой,
Моих зрачков тускнеет пламя, как будто день оделся мглой.

В дыханье утреннего ветра ловлю твой свежий аромат
И отрешенно упиваюсь его тревожной чистотой.

О Зулейха, даны нам руки, чтобы любимых обнимать.
Иначе пусть палач отрубит их саблей быстрой и кривой.

Пока свеча не запылает, не обожжется мотылек.
Лейли наградой были слезы, последний дар любви земной.

А ты, Махфи, не огорчайся, печалью сердце не казни.
Быть может, эта боль и слезы не навсегда даны судьбой!

ПОДРУГА ТОСКИ

Я — та, которая скорбит, не представляя жизнь иной.
Ведь даже мозг моих костей любовный истомляет зной.

Я — та, которую зовут бессменной спутницей тоски.
До самой гробовой доски со мною грусть — попутчик мой.

Бесчеловечная судьба нас разметала, как могла.
Мы не видались столько лет, но пред глазами образ твой.

На мне живого места нет, повсюду тайных взглядов след,
От ран мгновенных чуть жива, я рада участи такой.

Мой стон, и жалобен и тих, пусть до ушей дойдет твоих.
Пернатый гость садов ночных, смолк соловей перед бедой.

СОН И ЯВЬ

Кто прекрасных лиц не видел, звон струи не слышал винной,
Тот прожил свой век не дома, а в заброшенных руинах.

Так наполни кубок сердца, чтоб плеснуло пламя взгляда,
Обжигающие взоры и вино не супротивны.

В жизни все полно значенья: слушай, не пренебрегая,
Лепет малого ребенка и язык любви невинный.

Жгло губительное пламя не кебаб — сердца влюбленных,
Много жалостных примеров есть в истории всемирной.

Так зачем же, зорко видя, я спешу смежить ресницы?
Льются слезы непрестанно, я одна в дороге длинной.

Мне даровано прозренье, чудо, посланное богом,
Сон и явь Махфи враждебны — одинокой все едино!

УВЯДШИЙ НАРЦИСС

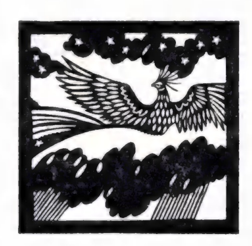
Взгляни на луг: нарцисс поник, увял в разгар весны,
Поют об этом соловьи, сочувствия полны.

Садовник мой, поберегись, за розой не тянись,
Шипы остры, пусть лепестки наивны и красны.

Ты, вспомнив локоны, грустишь? Тоску свою утишь.
На свете множество людей любовью пленены.

Пускай увидеть мне тебя воочью не дано,
Аллаху слава — все мечты к тебе устремлены.

Махфи, ты простоту свою на гордость не меняй,
Гордыня — рыночный товар копеечной цены.



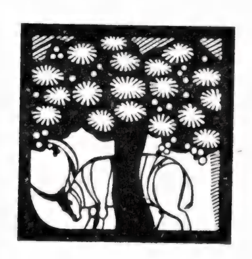
ПЛЕННАЯ ПТИЦА

Слышишь, как трепещет сердце, переполненное страстью?
Нет для пленной птицы этой избавленья и участья.

Безнаказанно светилом невозможно любоваться,
Нам дает глядеть на солнце лишь туманное ненастье.

Оттого, что пламя скорби жаром мне клеймило сердце,—
В цветнике срывать бутоны не в моей душевной власти.

О Махфи, от уст сомкнутых веет холодом молчанья,
Опостылели мне притчи о печали и злосчастье.



УТРЕННИЙ ВЕТЕР

Если ветер на рассвете весть благую принесет,
Кто измучен был любовью, не возрадуется тот.

Для него и пир не весел, не возжаждет он вина,
Даже если виночерпий чашу доверху нальет.

Я хочу вина иного, чтоб от отблеска его
Сердце так мое забилось, будто в ребра молот бьет.

О Махфи, доколе будешь ты таить свои мольбы?
Словно пар в котле кипящем, вздох на части сердце рвет.

В ТЕМНИЦЕ СКОРБИ

На кустах в саду весеннем нет цветка ни одного,
Птиц не слышно, только бьется птица сердца моего.

Перед мудрыми мужами уподобится слепцу
Тот, кто, видя взгляд надменный, не пронзит копьем его.

Сколько слез в саду надежды я напрасно пролила!
Кроме терниев колючих, не взойдет в нем ничего.

И глаза в темнице скорби потеряли прежний блеск,
Друг в окошко мне не стукнет, близких нет здесь никого.

СПОР

Глаза и сердце день и ночь, не прекращая, спор ведут.
Лишь на одном они сошлись: моих секретов не блюдут.

Невеждам, неучам тупым я уподоблю мудрецов,
Когда ученые мужи в ленивой праздности живут.

Цени веселья краткий срок, улыбку и вина глоток,—
Весенний отбурлит поток, иссякнут наши дни, замрут.

Ты стеснена во всем, Махфи! Стенанья мне запрещены,—
Газели я пишу,— они мне утешение дают!

ТАЙНЫЙ ЯД

Как от самой себя уйти, как позабыть свои страданья,
Среди внезапной немоты не слышать жалкого рыданья?

Не разлучаюсь я с тоской с тех пор, как с милым разлучилась.
Но образ милого со мной, пока в груди живет дыханье.

Дурмань мне голову, вино, глуши меня блаженным ядом!
Судьбою все предрешено, к чему пустое упованье?

Скажи, зачем себя, Махфи, ты столь прилежно наставляешь?
Пускай твой горестный пример тебе же служит назиданьем.

БЛЕСК КРАСОТЫ

Если солнце озарится красоты твоей лучом,
Крик поднимется повсюду, будто перед Судным днем.

Оттого, что ты уверен в вечном блеске красоты,
Сердце вспыхнуло мгновенно и душа зашлась огнем.

Ты сидишь с чужими рядом, упоенный сам собой,
Пламя кости мне сжигает полыхающим огнем.

Как последнего позора, я страшусь твоей любви,
Не о ней ли шепчут люди, догадавшись обо всем?

О своей ушедшей жизни горько думает Махфи,
Глядя, как струятся слезы в пересохший водоем.

ЛУНА КРАСОТЫ

Красив, как юный месяц, ты, и красота твоя горда,
Коль солнце встретится с тобой, оно померкнет от стыда.

Пыталось солнце с давних пор воды напиться из озер,
Но капля испарялась вмиг, попав на жаркие уста.

Чтоб стать приметной, ищет тень не ночь, а озаренный день,
Тропой безумства я иду, она терниста и тверда.

Я как пылинка на свету, в лучах я радужно цвету.
Прости мне это хвастовство, но страсть к тебе — моя беда.

Махфи, пройдет за годом год, сквозь тучи солнце проблеснет,
И ты за этот краткий миг, за счастья луч, отдашь года.

КРАСОЮ НЕ КИЧИСЬ

Самовлюбленный локон твой своим изгибом восхищен.
В своей пьянящей красоте луну и солнце застит он.

На шнур ты нижешь без конца кровоточащие сердца,
Но слишком жарок твой огонь — кебаб был в уголь превращен.

Своей красою не кичись, побудь один, остепенись.
Глаза хмельные у тебя, и от гордыни ты хмелен.

Любви напиток нам дают — пусть нас за то не судит суд,
Вино не виновато тут — здесь каждый трезвый опьянен.

А за стеной пора дождей, на лужах пляска пузырей,
И этим таинством весны мой взор сейчас заворожен.

Зачем ты пишешь о любви, кому нужны слова твои?
Звучат стихи твои, Махфи, как безответный тихий стон.

МОИ ГЛАЗА

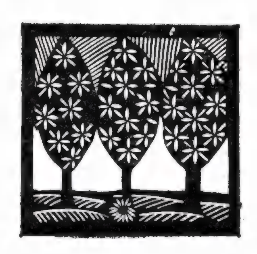
Глаза к трепещущим слезам привыкли так давно,
Как будто в мире мне иных занятий не дано.

Я изваяние беды, богиня грусти — я,
Мне снова бедствие сулит седого неба дно.

Напрасно туча тем горда, что оросила сад —
От слез моих цветам весны раскрыться суждено.

Где горе грянет иль беда — меня зовут туда,—
Я сострадаю, а иным глядеть на скорбь смешно.

Махфи, оставь самообман, гордыни сторонись,
Твоя душевная тоска — безумие одно!



ИЗНАЧАЛЬНЫЙ КРУГ

Мне, одиночество, ответь: ты враг или молчащий друг?
Вернулся ветер, тронув ветвь, на прежний, изначальный круг.

Гляжу в окно, там кипарис закручен круто, как чалма.
Средь предвечерней тишины отчетлив только сердца стук.

Я средь живых, а для чего? Кому на свете я нужна?
Здесь нет советчиков моих, ни книг любимых, ни подруг.

Лишь сожаление одно и чувство смутное вины.
Заплачь, Махфи, что жизнь прошла под знаком горя и разлук.

НЕ МОГУ ЖИТЬ

Любимый мой, ты так далек, — не хочется мне жить,
Даруй любви один глоток! Не хочется мне жить.

О, слезы трудные мои, окрасила их кровь,
Разлуки бесконечен срок — не хочется мне жить.

Скорбь нанялась мне в сторожа, кружит, дозор верша.
Шипа на розе коготок. Не хочется мне жить.

В стране безумья солнце — я, и тень ночная — я,
Не проскользну на твой порог — не хочется мне жить.

Кумирня и Кааба мне отныне не нужны.
Клубится пыль пустых дорог — не хочется мне жить.

Махфи не может без тебя. Возникни хоть на миг!
В саду без губ твоих и щек — не хочется мне жить!

НА ЗАРЕ

Увядающая роза станет краше на заре,
И усталый станет бодрым, выпив чашу на заре.

О бутон, в росе знобящей приоткрой свои глаза,
Сходен этот сад шумящий с жизнью нашей на заре.

Никого не обделяя, кравчий, чары наполняй,
Все пройдет: умрет и трезвый и кутящий на заре.

Соловья ловя весною, не раскидывай силки —
В сеть он будет пойман розой, боль таящей, на заре.

На пиру свеча мигает, загаси ее совсем,—
Отблеск кубков заменяет свет, коптящий на заре.

Плач, Махфи, ты песнопеньем не уступишь соловью.
Мудрецы ведут беседу. Стыдно спящим на заре!

ПОХИТИТЕЛЬНИЦА

Похитительница злая вновь покой мой унесла.
Страсть, меня испепеляя, до безумья довела.

Стоны, взвившись, словно знамя, удивили небосвод.
Но в раю не осудили безрассудные дела.

Острия тревожных мыслей отворили жилы мне.
Кровь из печени пронзенной темной речкой потекла.

Песнь Махфи звучит повсюду, будто радостная весть,
Что ослепшему Якубу миг прозрения дала.

ТВОЕ ПИСЬМО

Любовь и скорбь в душе моей сливаются в одно,
Хоть это разуму пока осмыслить не дано.

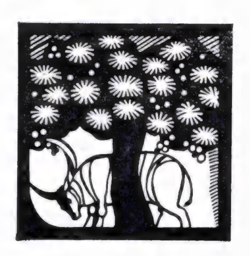
Не хвастай знаньем и умом — раскаешься потом.
В земле мудрейший Афлатун истлел давным-давно.

Твое любовное письмо все знают наизусть.
Но тайный смысл, сокрытый в нем, не всем постичь дано.

Я призываю небосвод, где ночь за днем идет,
Ведь небо в милости своей со мною заодно.

Тот, кто умеет сострадать, достоин мне внимать.
О слез неистовый Джейхун, твое глубинно дно.

Махфи в слезах, и потому мир зыблется в дыму.
От крови раненых сердец в моих глазах темно.



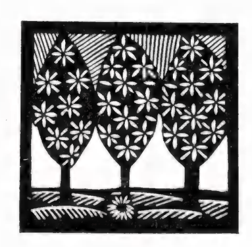
ПОГРЕБОК

Опьяненные закрыли двери в винный погребок,
Чтобы друг и хитрый недруг подглядеть их пир не мог.

На пирушке тайной этой даст светильник столько света,
Чтобы радостно горела я в огне, как мотылек!

О, владеющие словом, снова день приходит новый,
Жизнь прожита бестолково. Все уйдут в один песок.

Ты, Махфи, не знай обмана — верь упорно, постоянно,
Чтоб великие пустили и тебя на свой порог.



ЧТО СЛУЧИТСЯ...

Я на чужбину еду днесь — о, если б знать мне, что случится!
Но сердце оставляю здесь — о, если б знать мне, что случится!

Я тароватою была, жизнь, не торгуясь, отдала.
Мне груз разлуки отдан весь. О, если б знать мне,
что случится!

Я долго странствовала, но достичь мне цели не дано.
Зато со мною ум и честь — о, если б знать мне, что случится!

Махфи, наивною не будь: из чаши счастья не хлебнуть,
Но ведь напиток скорби есть. О, если б знать мне,
что случится!

ПОШЛИ МНЕ ВЕСТЬ

Если ты, предавшись неге, кубок свой нальешь вином,
Всех влюбленных ты восславишь в опьянении своем.

Мимоходом, по наитью совершаешь чудеса,
Оживляя, как мессия, даже спящих вечным сном.

Ты пленительной улыбкой можешь тигров усмирить,
Но не будь один в пустыне, я молю тебя о том.

Вереница длинных писем не вместит тоску Махфи,
Если вести не подашь ей предрассветным ветерком.

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

В этот вечер соловьи засвистели раньше срока,
Или это стон души, где таится боль глубоко?

Опоясала меня черным поясом обида,
Отомстило счастье мне — обошлось со мной жестоко.

Мотылек горит в огне, но свеча сгорает тоже,
На кого ни погляжу — всем живется одиноко.

Неужели не вернуть жизни, прожитой мгновенно?
Не изменишь ничего, ты щепа во власти рока.

Как огромный жгучий глаз, на меня взирает небо,—
И не скрыться никуда от неправедного ока.

Ненавистный небосвод, берегись людских проклятий,—
Стрелы стонов долетят: ничего, что ты высоко!

Дайте золото ослу — будет славен он повсюду.
Много знаешь ты, Махфи, только в этом мало прока.

МОЙ СВЕТОЧ

В печали сумеречный час невыносим счастливый смех.
Тот, у кого разграблен дом, не сыщет свечки, как на грех.

Бутону розы не расцвесть без дуновенья ветерка,
И ядом кажется вино ханжам, хулителям утех.

Я сердца сдерживаю крик, пока хватает сил моих,
Покуда в печени огонь не запылает без помех.

В тоске и скуке тот живет, кто чашу в руки не берет,
Кто без разбора не начнет за счастье этих пить и тех.

Махфи тебя не видит здесь, а ей другие не нужны.
Мой светоч, в этом мире ты любимей всех и лучше всех!

СТОН В СЕРДЦЕ

Ту рану, что горит в груди, не может залечить бальзам,
Зачем и радость и печаль перемешались пополам?

Скитанья мне не помогли желанье сердца утолить.
Кто счастья в жизни не видал, тот бесконечно грустен сам.

В саду на розах не роса, а соловьиная слеза.
Велел весенний ветерок рыдать над розой соловьям.

Меня не трогает тот стон, который в сердце не рожден.
Найдешь ли сердце, что, скорбя, велит безмолвствовать устам?

Махфи, надежды книга есть, но список там заполнен весь,—
Терпенье вечное твое подобно ржавым кандалам.

ТЕРЯЮ ВЛАСТЬ

Вчера меня сжигала страсть, еще тяжелый дым плывет,
И кровью печени самой горячечный запекся рот.

Я над собой теряла власть, тоска переходила в страсть,
Всю ночь немая песнь лилась, пока не пожелтел восход.

И сердце в рукопашный бой вступило с собственной тоской,
Хотя определен судьбой борьбы мучительный исход.

Листая книгу жизни всей, Махфи дошла до горьких дней,
Последний раз вдохнуть спеши, покуда вздох твой не замрет.

ВИХРЬ СУДЬБЫ

Если нашей юной розе суждено в саду раскрыться,
Все цветы порой весенней станут завистью томиться.

Вихрь судьбы своим дыханьем пламя вздохов раздувает,
И от них светильник сердца стал неистово светиться.

Не найти нигде покоя, нет его в горах и долах.
Мысль любовное томленье побороть напрасно тщится.

Скорбь вскормила нас страданьем, и привыкли мы к печали,
Не дает любовь нам права от тоски освободиться.

Ведь листы всей жизни нашей скорбь развеяла по ветру,
А судьба неумолима, нас настичь она стремится.

О Махфи, в напитке нашем нет ни счастья, ни веселья,
Ибо красной кровью сердца не сумел никто напиться.

НЕ ЖАЛЕЙ

Все особое у милых: возле губ пушок иной.
Солнца любящим не надо, света там исток иной.

Смысла нет учить влюбленных, утвержденных нет законов.
Поучающий, умолкни, преподай урок иной.

Не заметит равнодушный в брови лука полукружье.
«Ах, зачем сравненья нужны!» — бросит нам упрек иной.

Сердце, словно голубь дикий, не жалей всех без разбора,—
Нет в саду любви похожих, каждый там росток иной.

Для чего же было надо с одного влюбляться взгляда?
Много ланей в гуще сада, но всегда стрелок иной.

Я других искать не буду: лик твой — розовое чудо,
У Махфи, в тебя влюбленной, пред тобой восторг иной.

МУКА ЛЮБВИ

Если мука любви вдруг врывается в дом,
То приходит она с обнаженным мечом.

Но зато даже ночью вдруг станет светло,—
Образ твой зажигает мне очи огнем.

Чтоб лицо твое ранней весной увидать,
Сжег тюльпан свое сердце, обуглил клеймом.

О Махфи, в неудачах людей не вини,
Знай, судьба виновата в злосчастье твоем.

МЕЧ ВЗГЛЯДОВ

Люблю тебя. И страсть и скорбь клеймили сердце мне
клеймом.
Как луг весенний, грудь моя, где маки вспыхнули огнем.

Меч взглядов вижу только я, он незаметен для других,
Никто не знает, сколько раз я грозным ранена мечом.

На сотню рваных лепестков, как розы рдеющий бутон,
Мне сердце рассекла беда, но знаю только я о том.

Зачем мне саван под землей, когда застынет плоть моя,
При жизни в саване беды я спать должна могильным сном.

Махфи, пусть жалобы твои очистят душу от тоски.
Хатанский мускус горьких слов в мешочке спрятан
не простом.

СОКРЫТОЕ

Глаза потуплены мои, в них мысли тайный ход сокрыт,
Так жемчуг в глубине морской под толщей темных вод сокрыт.

Пусть утро радостных надежд чадрой укутало чело,
Милее скорбный вечер мне — грядущий в нем восход сокрыт.

Теряя разум от любви, Меджнун советам не внимал,
Он знал: на древе тяжких мук блаженства сладкий плод сокрыт.

И не один Фархад погиб во имя чувства своего.
Тернист нелегкий путь любви, от всех его исход сокрыт.

Горит на печени моей клеймо тяжелое судьбы.
Мой разум горем заклеймен, недуг, что он несет, сокрыт.

За недостатки, о Махфи, людей пристрастно не суди,—
Знай, что в достоинстве любом порою недочет сокрыт.

НЕ ПРИДЕТ

Устала я владеть собой, а мой любимый не идет.
В тенетах я, слабея, бьюсь, он в сердце мне стрелу не шлет.

Чтоб сердцу ждать хватило сил, не пожалею ничего,—
Я проглядела все глаза, и перед ними мрак плывет.

На улице моей любви меня несчастней не найти,
Неверный друг на ухо мне слов утешенья не шепнет.

Я, как измученный Якуб, попавший в дальний Ханаан,
Мне из Египта ветерок весть от Юсуфа не несет.

Махфи, отправься в дальний путь, сама с любимым встречи жди,
Он первый к шаху не пойдет, а гордо встанет у ворот.

ОГНЕННАЯ СИЛА

Когда полюбила я — все изменилось вокруг,
И сердца прозрачен и радостен сделался стук.

Так много я крови весною из глаз пролила,
Что отдал мне цвет, против воли, тюльпановый луг.

Как та саламандра, от огненной силы любви
Покрылась я искрами, жарким мерцанием вдруг.

И в дальние страны Махфи захватила с собой
Любовь, что сильнее тревожного яда разлук.

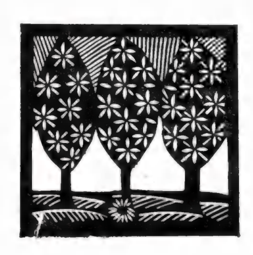
ВЕСТЬ ДРУГА

Сколько счастья доставляет нам всегда от друга весть!
Ветер имя друга шепчет, и бутон спешит расцвесть.

Если ты в размолвке с другом, не печалься — все пройдет,
Лучше друг пусть отругает, чем врага услышать лесть.

Никогда не будешь пьяным, голова не заболит,
Коль за дружеской беседой будешь ты и пить и есть.

Если друг нахмурит брови — не обижусь я ничуть,—
Друга слушать назиданье для Махфи большая честь.



НЕ МОГУ

Я даже в сторону твою взглянуть случайно не могу,
С любовью думать о тебе, вздыхая тайно, не могу.

Страж встал у замкнутых дверей — с ним говорить мне не дано,
Уйти я от любви моей в простор бескрайний не могу.

Всем сердцем знаю, что нельзя поверить верности твоей,
Но отказаться от любви многострадальной не могу.

Мне все трудней скрывать любовь, она измучила меня,
В любви признаться я себе в исповедальне не могу.

Махфи, огонь в твоей груди от слез все жарче с каждым днем,
Терпеньем пламя погасить при всем старанье не могу.

ЖИЗНЬ ПРОШЛА

Огонь позора на меня любовь невольно навлекла,
Чтоб одиночества удел я многолюдью предпочла.

Мое желанье с милым быть сочли причудою пустой,
Как будто видеть нам грешно черты любимого чела.

О мнимых горестях своих кричит хвастун на всех углах,
Не знает он, что значит страсть, сердца спалившая дотла.

С тех пор как в мире я живу, не властна я в своей судьбе,
Мне разум дан, чтоб познавать и отличать добро от зла.

В желанье встречи каждый вздох мне сердце так полировал,
Что отражает этот мир оно верней, чем зеркала.

Ты вольнодумною была и непокорною, Махфи,
Про своенравие забудь, пойми, что жизнь твоя прошла.

Я И ТЫ

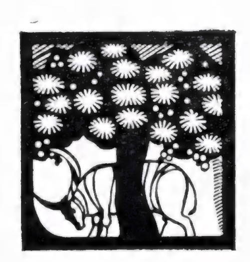
Вечерняя молитва я. За ней не следует рассвет,
Я — стоны на сухих устах, к которым сострαданья нет.

Цвет слез моих кроваво-ал, тюльпан их красноту вобрал,
Кто знает, как пылает лал, тот видел этот странный свет.

Ты — красоты далекий сад, куда ветра не долетят,
Я — уст сомкнутых немота, мольбы неутоленной след.

Где сил мне взять, чтоб жить и ждать? Где мне, разбитой, отыскать
Иной обетованный сад, где стонов и страданий нет?

Доколь, Махфи, ответь, доколь терпеть разлуки вечной боль,
Грешно ль, скажи, тебе мечтать, ждать и мечтать на склоне лет?



НЕ СКРЫВАЙСЯ ОТ МЕНЯ

Скорбь душу заклеймила мне, на сердце наложив печать.
Дворец я строю на песке, чтоб он разрушился опять.

Кровь сердца жадно пьет песок, его насытить не дано,
И солнце о пощаде я, отчаясь, стала умолять:

«Ты свет очам моим даешь, ты — исцеляющий бальзам,
Зачем же позволяешь ты нарциссам нежным увядать?

Зачем дозволило ему похитить душу из груди,
Зачем, о солнце, не даешь мне лик любимый созерцать?»

Махфи охвачена тоской, негромок голос у нее,
И капли крови вместо слез она устала вытирать.

ОКОВЫ

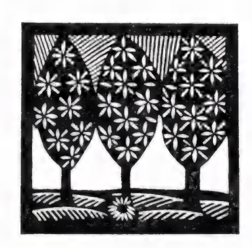
Тревога мне стянула грудь тугим, мучительным узлом,
Тот узел мне не развязать, он только крепче с каждым днем.

Успокоение ищу я в изнурительной тоске,
Привычно сердцу моему с тревогой быть всегда вдвоем.

Цветам желанья не дано в саду надежды расцвести,
Мое волненье улеглось, но я отчаялась во всем.

Возлюбленный, избранник мой, себе другую отыскал,
Зачем ему любовь моя, чужая я в дому чужом.

Оковы скорби, о Махфи, тебе не сбросить никогда,
Судьбе угодно, чтобы ты не знала радости ни в чем.



МОЙ ЦВЕТНИК

Стоит вспомнить тебя, расцветает очаг, как цветник
Для аскета кумирня сияет в ночах, как цветник.

Как Якуб, я рыдаю от горя в разлуке с тобой.
В каплях слез мой наряд, как роса на цветах, как цветник.

Каждый локон трепещет от вздохов, как лист на ветру.
Клейма жаркой любви на согбенных плечах, как цветник.

В пышном летнем саду я покоя себе не найду,
Об одном я молю, чтоб весной не зачах мой цветник.

Не горюй, коль садовник в цветник не допустит тебя,
Для Махфи даже память о прожитых днях — как цветник.

ТРОН ЛЮБВИ

Кто на трон любви поднялся, кто с безумьем был знаком,
Говорить о ней не сможет равнодушным языком.

Разве я в любви пыталась обрести покой души?
В жажде мира я сражалась с чувством, будто бы с врагом.

Стой, Фархад, зачем киркою ты терзаешь грудь горы,
Ты забыл, что каждый камень создан в чреве огневом.

Если любишь, за бесцветность никого не осуждай,
Этот мир лишь отсвет чувства, что любовью мы зовем.

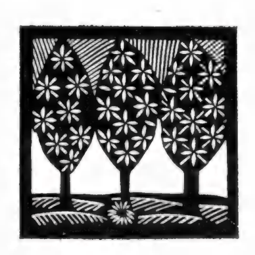
Ты сама свою дорогу в жизни выбрала, Махфи.
Путь уводит в бесконечность, там любовь мы обретем.

УТРЕННЕЕ СМЯТЕНИЕ

Когда покров с лица восхода рассветный ветер унесет,
Твое увидя совершенство, светило с завистью вздохнет.

Сдержась пред взором посторонним, мы нашей чести
не уроним.
Пускай услышат, как мы стонем, рассветный ветер да восход.

И если милый мой, в гордыне, шутя любовь мою отринет,
То состраданья в небе синем Махфи, рыдая, не найдет.



УЗЕЛ СУДЬБЫ

Снова сердце, словно птица, слышит пряный запах роз.
Горе душу истомило, и зрачки мутны от слез.

Чашу полную забвенья поднесли к моим устам,
К яду бедствий я привыкла, а не к соку винных лоз.

Сбросил рубище отшельник, стал язычником святой,
Увидав из мрачной кельи буйный хмель твоих волос.

Узел страха и сомнений удалось мне развязать,
Но нахмуренные брови мне разгладить не пришлось.

Как Меджнун, бреду пустыней, иль в горах я, как Фархад,
От всевидящего ока мне уйти не довелось.

ПИР СВИДАНЬЯ

Летя на пламенный костер, я бабочкой в огне сгорела.
Меня разлука извела, свечой я на окне сгорела.

На пир свиданья я пришла и чашу скорби испила,
Вино вскипело на устах, и сердце в том вине сгорело.

И, что не слыхано нигде, в слезах, в соленой, злой воде
Сгорели глаз моих зрачки, жизнь, цветшая на дне, сгорела.

Мой соловей, с тобой вдвоем мы в сад надежд не попадем,
Лети, мой друг, своим путем, ведь роза по весне сгорела.

Когда же сделалось темно, огнем заискрилось вино,
Махфи, тебя сожгло оно, ты по своей вине сгорела.

ВСТАНЬ!

Встань, пусть нарциссы глаз твоих сулят и страсть и непокой,
Дай виночерпию глоток из винной чаши золотой.

Нам хватит взгляда одного, чтоб бренность мира ощутить,
Зачем же омрачать свой взор мирскою праздной суетой?

Не надо кольцами кудрей шутя опутывать сердца.
Не вздумай обижать людей, будь с ними мягкой и простой.

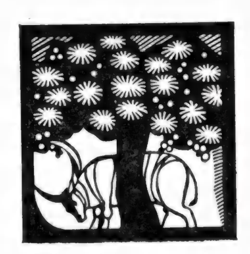
ШУТКИ РАДИ

Мой любимый шутки ради захватил меня в силки,
Сердце верности желает, изнывая от тоски.

Мы играючи разбили сердца хрупкое стекло,
И теперь судьбе угодно раздробить нас на куски.

Мы так часто, причитая, рвали локоны свои,
Что теперь ладони наши покрывают волоски.

Дом беды, обитель скорби я убежищем зову,
Там приют отыщет сердце, всем соблазнам вопреки.



ТЫ МНЕ ПРИСНИЛСЯ

На горе, на мою беду, приснился ты мне ночью снова,
Виновен ветер, он шумел в листах платана голубого.

Холодноватый плеск воды, луны серебряное жало
Напоминали мне тебя, и плакать я была готова.

И мне мерещилось во сне, что я тобой была любима,
Что мы, смеясь, идем вдвоем по травам сада молодого.

Но это только сон ночной, а наяву, с Махфи прощаясь,
Ты глянул в сторону ее и отчужденно и сурово.

ЛУЧШЕ ДЛЯ МЕНЯ

Я стою лицом к пустыне, это лучше для меня,
Слезы мой удел отныне — это лучше для меня.

Я бреду путем Меджнуна, грудь мою пронзил клинок,
И никто меча не вынет — это лучше для меня.

Я скорблю, и я страдаю, сердце немощно мое.
Скоро жизнь меня покинет — это лучше для меня.

О, зачем шербет прохладный подносить к моим устам,
Жар вина пусть в душу хлынет, это лучше для меня.

Я, Махфи, страшиться стала упований и надежд.
В тесноте лежать могильной — это лучше для меня.

НЕ ВЕРЬ

Своенравно-непокорен шелковистый локон твой,
Будто спутал эти кудри ветер утренний, хмельной.

В шаловливом беспорядке вьются волосы твои,
Видя их, смутился брахман, иноверцем стал святой.

Соловей, лети в долину, там влюбленности страна,
Там рубины уст пылают ярче розы огневой.

О Махфи, не верь обманным уверениям в любви,
Те слова непостоянны, зыбки, как песок морской.

СКОРБНЫЙ ГРУЗ

Я с розой разговор вела о соловье и вновь о нем.
Всю ночь я плакала без слез в безмолвном сумраке ночном.

Разлуки медленный огонь сжигал мне сердце по частям,
Скорбь я подругою звала, кровь сердца мне была вином.

Я столько крови пролила на потаенный этот луг,—
Она, как алые цветы, багровым зыблется пятном.

Ведь каждый миг из всех углов беда бросалась на меня,
Несчастье презирала я, не видя радости ни в чем.

«О, сжалься надо мной, Махфи, — взмолилась, возроптав, душа,—
Где нам терпенье отыскать, чтоб скорбный груз влачить вдвоем?»

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Мы оба пленники любви, но мы в ее цепях свободны.
Беда запугивала нас, но мы, презревши страх, свободны.

Обитель скорби наш приют, там в кубки кровь по капле льют.
Мы скорбью так опьянены, что в скорбных сих местах —
свободны.

Мы не таим свою беду, у всех страдая на виду,
Когда мы сдержанно молчим, то в собственных глазах
свободны.

Махфи, хотя твой каждый стон печален, как кандальный звон,
Ты от насилья и скорбей, — так пожелал Аллах, — свободна.

НАГРАДА ЗА ТЕРПЕНИЕ

Когда светило красоты сияньем изойдет, лучась,
Пусть защитит твое лицо кудрей причудливая вязь.

О, если б ласково взглянуть смогло оно на что-нибудь,
Булыжник вспыхнул бы, как лал, и золотою стала грязь.

Не ветер сад мой освежил, не лепестки бутон раскрыл,
А соловей там кровь пролил, томленья жертвой становясь.

От слез, струящихся давно, в жилище глаз моих темно,
Каабе рухнуть суждено, к ней слез река подобралась.

Меджнун, безумный от любви, покинул улицу Лейли,
В пустыне кончил дни свои, познав любви слепую власть.

Скорбей моих не перечесть, в моих страданьях радость есть.
В бутон, что не успел расцвесть, колючка хищная впилась.

И если в меркнущих очах надежды заблестит очаг,—
Придется всем тонуть в волнах... Душа страдальцев
не спаслась.

Махфи, не надо так рыдать, терпи, теперь недолго ждать.
Покой ты обретешь опять, ведь ты покоя заждалась.

ВСЕ ПРОЙДЕТ

Всегда преследовал меня и угрожал мне небосвод.
Из клетки пленная душа мечтала вырваться в полет.

Я, чтобы жажду утолить, кровь сердца своего пила,
А кровь оттенок красной хны слезам пролитым придает.

Любовь к тебе в груди моей живет за прочною стеной,
И, всем советам вопреки, она растет из года в год.

Но сердце, что стучит в груди, покрыто тысячами ран,
И по ночам из них, дымясь, струею темной кровь течет.

Жизнь с океаном я сравню, и если кормчим станет Хызр,
Спущу в кровавый водоем моих несчастий утлый плот.

Махфи, к величью не стремись, ты сердцем овладей своим,—
Карун в гордыне позабыл, что в этом мире все пройдет.

О ВРЕМЯ!

О время, долгий, трудный путь — он полон скорби и невзгод.
Меня не радуют ничуть луна и солнечный восход.

Прочнее нет дворцовых стен, немых свидетелей измен,
Людские души взяты в плен — не отворить глухих ворот.

Меня не слуги стерегут, а непреклонный бег минут,—
Одни ушли, другие тут, — никто от рока не уйдет.

Давно я смерти не боюсь, не протестую, не борюсь.
Дом черепахи — тяжкий груз, но панцирь свой она несет.

Но только мне не скрыться в нем, не оградиться, как щитом,
От изнурительной тоски, — она с ума меня сведет.

Махфи, одумайся, постой, ты не одна в толпе мирской.
С простыми ты была простой, и солнца луч тебе блеснет.

В ПОИСКАХ СОЛНЦА

Ты совершенство красоты, твой отсвет отдаленный — солнце,
И аромат кудрей твоих вдыхает упоенно солнце.

Истомлены мои уста, но чаша винная пуста,
Как будто кубок огневой, сверкает с небосклона солнце.

Когда лучами красоты не озаришь лужайку ты,
То не раскроет никогда в своем саду бутоны солнце.

Клеймо любви от соловья под лепестками затая,
Тоскует роза по тебе, но тянется зачем-то к солнцу.

Махфи, доколе будешь ты в плену несбыточной мечты?
Ты жаждешь света, но, пойми, к тебе неблагосклонно солнце.

ЧТО СКАЖУ?

Соловей любовной неге предается в дни весны.
Соколиною охотой дни властителей полны.

Я свечу мечтаний тщетных в уголке своем зажгла,
Мотылька ночного крылья тем огнем опалены.

Разве странно, если сердце замолчит в моей груди?
Ведь бескрылые на гибель соловьи обречены.

Весть о будущем свиданье совершает чудеса,
Чудодейственно Исою мертвецы воскрешены.

Что скажу я, расставаясь? Ведь к кому ни подойду—
Все разлукою с тобою, как и я, удручены.

Посторонним о несчастьях не рассказывай, Махфи,
Знай, безжалостные взоры на тебя устремлены.

НЕТ

С цветами горя примирись, пышнее их цветенья нет.
Пей кровь свою взамен вина, страшнее опьяненья нет.

О мотылек, не рвись к свече, когда сияет лунный свет,
Для исстрадавшейся души вернее освещенья нет.

Как упоительный шербет, впиваю я твои слова,
Для тех, кто верует в любовь, сильнее наслажденья нет.

О недостойных тосковать тебе не следует, Махфи,
Ты жаждешь истину найти, нелепей устремленья нет.

С ТЕХ ПОР

С тех пор как взор твой в мире сем посеял распри средь людей,
Стал меч насилья твоего виновен в множестве смертей.

Влюбленных трепетную грудь ты превратил в свою мишень,
Бьют стрелы лука твоего все беспощадней и верней.

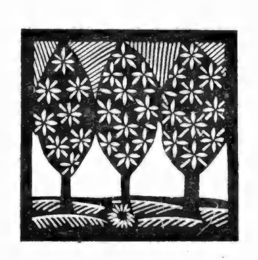
Плененных душ не перечесть, их стража зорко стережет,
И луноликим не порвать плетенье радужных сетей.

Когда раскроется бутон твоих неумолимых уст,
То в клетке сердца запоет души умолкший соловей.

Зачахнет ранняя весна, лица не видя твоего,
И станет яркий вешний день печальной осени темней.

В разлуке долгой и пустой так много слез я пролила,
Что вьются локоны мои, как языки язвящих змей.

Мой повелитель так сказал: «Умри, скорбящая Махфи!»
Хвала Аллаху, он прервет поток моих унылых дней.



ОЖОГ ЛЮБВИ

Когда покроет мне лицо пыль от твоих идущих ног,
Прохладный ранний ветерок — и тот почувствует ожог.

Лук небосвода натянув, лучи, как стрелы, полетят,
Попав в счастливые глаза, разя без промаха зрачок.

Судьба — немереный простор, степная выжженная ширь,
Там, где надежду стережет колючки ранящий крючок.

Ты, сердце бедное мое, подругой сделало тоску,
Мне жалок тот, кто может жить без упованья и тревог.

И если сердце, о Махфи, сдалось в неумолимый плен,
Ему приюта не найдешь, ведь в мире легких нет дорог.

СТРЕЛА ВЗОРА

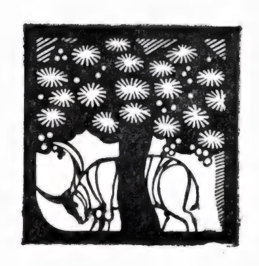
Этой ночью конь небесный остановлен был тобой,
Любовались мы невольно этой царственной борьбой.

Порази меня стрелою, взор метни из-под бровей,
Ты избрал своей мишенью грудь под тканью голубой.

Пожалей меня, — утрами мой покой не возмущай,
Властен ты распоряжаться, только ты, моей судьбой.

На прибрежье ты увидишь сотни раковин морских,
Но, таинственно мерцая, перл скрывается в одной.

О Махфи, своей рукою скорбь ты держишь за подол,
Верь, насилье и жестокость побеждают добротой.



ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Вновь слезы хлынули из глаз и затопили все кругом.
Мне не увидеться с тобой, нам никогда не быть вдвоем.

Я на дороге жду тебя, хотя давно надежды нет,
И кровью печени своей я истекаю день за днем.

Вдали от родины, одна, в пустынной я живу глуши,
Я, как Меджнун, бреду в песках безводным медленным путем.

Тенета скорби ты, Махфи, с души не сбросишь никогда,
Там завиток его кудрей змеиным обвился кольцом.

Я ГОТОВЛЮСЬ

Улыбаясь, словно роза, ты гуляешь в цветнике,
Там росы дрожат слезинки в каждом утреннем цветке.

Так доколе же, о люди, вам сидеть в своих домах?
Ведь прекрасен сад весенний в шелестящем холодке.

Но, Меджнуну уподобясь, я пустыню предпочла,
И следы моих скитаний скрыты в медленном песке.

Как Якуб, в обитель скорби заточила я себя,
Здесь готовлюсь к тихой смерти в изнурительной тоске.

Этой ночью, ради бога, не тревожь мой смертный сон,
Огонек, тобой зажженный, пусть мерцает вдалеке.

Власть над сердцем потеряла безутешная Махфи.
Как о милости, мечтаю об единственном кивке.

* * *

Если сердце не тоскует, значит, сердцу все равно.
Тот, кто муки не изведал, мертвым стал давным-давно.

Мир сияньем озаряет только чистая любовь,
Без нее при ярком свете все печально и темно.

Ты мой светоч, ты сияешь в глубине моих зрачков,
Без тебя мое дыханье смысла жизни лишено.

Ты сжигаешь красотою все влюбленные сердца,
Их ни разуму, ни силе охранить не суждено.

Песнь Махфи подобна стону, в ней любовная тоска.
В цветнике умолкли птицы, так стенать им не дано.

Я НАПОЕНА ПЕЧАЛЬЮ

От безутешных слез моих перед глазами пелена,
Мне стоны разрывают грудь, печаль я выпила до дна.

И вздохи тяжкие, как дым, весенний застят небосвод,
Не укоряй меня, ведь я в своем несчастье не вольна.

Ты мне нужнее с каждым днем, я жить не в силах без тебя,
Я лань, попавшая в капкан, свободы ныне лишена.

Охотник, красота твоя пронзила множество сердец,
Добыча у тебя легка — я сражена и пленена.

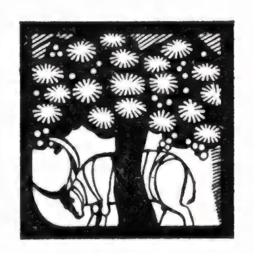
Лицо Махфи горит от слез. Когда я вечером молюсь,
Страшусь, что пламенем тоски равнина будет сожжена.

ЛУЧ ДУШИ

Я при жизни насыщалась кровью собственной своей,
А умру — и гроб мой станет горной глыбы тяжелей.

У моей свечи зажженной солнце свет возьмет взаймы,
Ведь небесного светила луч души моей светлей.

О Махфи, ты отразишься в вечном зеркале любви,
И прильнут к подножью гроба мотылек и соловей.

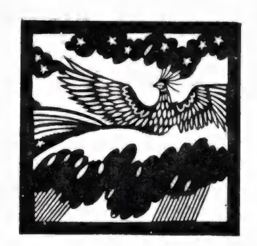


РАНА

И плач и стоны — как бальзам для исстрадавшихся сердец.
Должно быть, жалобам моим потерян где-нибудь конец.

Как бабочка, сгорела я в твоем стремительном огне,
Но от ожогов на лице еще не проступил багрец.

В глубинах Индии Махфи мечтала обрести покой,
Теперь, в Бенгалии живя, несет терновый свой венец.



БАГРЯНАЯ ПУСТЫНЯ

Щеки живую теплоту в себя тюльпан вобрал,
И, заглядевшись на тебя, порозовел коралл.

Клянусь, лучами красоты слепишь, как солнце, ты,
Твои пурпурные уста, как бадахшанский лал.

Махфи искать тебя пришлось, не счесть кровавых слез —
Пустыни выжженный песок теперь багряным стал.

НЕ НАЙДУ

С тех пор как страсть в моем мозгу пылает, на беду,
Ищу везде я образ твой, ищу и не найду.

Разлуки торная стезя, сойти с нее нельзя,
Там кровь, пролитая из глаз, красней, чем мак в саду.

Метнул ты взгляд из-под бровей, как точную стрелу.
Я эту рану с давних пор как исцеленья жду!

* * *

Забудет розу соловей, когда меня в садах увидит.
Нарушит брахман свой обет, когда меня в мечтах увидит.
Таится розы аромат в нераспустившемся бутоне,
Кто ищет близости со мной, пускай меня в стихах увидит.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Что случилось со мною? Я больше не плачу тайком.
Что случилось? Рыданья в груди застревают комком.

Душный ворот на шее зачем мне теперь разрывать?—
Все равно сostраданья я больше не вижу ни в ком.

О Махфи, на пиру тот не выпьет хмельного вина,
Кто с любовным похмельем, с раскаяньем поздним знаком.

ТВОИ СЛЕДЫ

Я в этом призрачном саду везде ищу твои следы,
В дремотном шелесте листвы, в прозрачном лепете воды.

Меч лязгнул, конник проскакал, луч солнца на песок упал —
Что б ни случилось — у Махфи в груди предчувствие беды.

МОЙ ПУТЬ

С тех пор как ясен стал мой путь, своей судьбою я горда.
Порукой мусульмане мне, что я любви служу всегда.
Нас, проповедник, не пугай, в геенну грозно не ввергай,—
Познала я разлуки ад, страшнее Страшного суда!

Я ЖДУ ЗАРЮ

Мою единственную страсть не отобрать им у меня,
Из сада, что взращен был мной, — хозяйку дерзко изгоня.

Те раны, что нанес кинжал, бальзамом можно исцелить.
Но никому не погасить в груди зажженного огня.

Из сада выгнали меня и ввергли в капище беды.
Живу, цветы и соловья — моих советчиков — кляня.

Махфи ослабла, так слаба, что сил нет слабость перенесть.
В жилище временном моем я жду зарю иного дня.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Анка́ — легендарная птица; по преданию, обитает в горах Каф (мифические горы, якобы являющиеся границей земли). Анка или яйцо анка — образное выражение, означающее что-либо невозможное; редкое явление.

Аргану́н (от греческого слова орган, музыкальный инструмент) — в поэзии на фарси и у таджиков — название струнного музыкального инструмента.

Афлату́н — арабское произношение имени Платона — древнегреческого философа. В поэзии на фарси — образ ученого и мудрого мужа.

Бисуту́н (дословно: без колонны) — название горы в Иране, через которую якобы Фархад по желанию Ширин проложил канал.

Да́ра — девятый персидский царь из династии Кеянидов (ум. в 330 г. до н. э.); образ могущественного царя.

Джейху́н — арабское название Амударьи.

Зинда́н — тюрьма, темница.

Зулейха́ — см. Юсуф.

Иса́ — библейское Иисус.

Искандда́р — Александр Македонский; образ могущественного и мудрого царя.

Каа́ба — священный храм в Мекке, место паломничества мусульман.

Кару́н (библейское Корей) — по мусульманским преданиям, богач, обладающий несметными сокровищами. Карун, проклятый Мусой (Моисеем) за скупость, был поглощен землей вместе со всем его богатством.

Лал — рубин.

Лейли́ — героиня легенды, послужившей сюжетом для многих произведений персоязычной литературы.

Меджну́н (дословно: безумный) — прозвище Кейса, влюбившегося в Лейли и обезумевшего от любви к ней.

Нух — библейское Ной.

Р у́ т а — многолетние травы и полукустарники, содержащие эфирное масло и ядовитый алкалоид — рудин, применяющийся в медицине.

С у ф и й с к о е р у б и щ е — одежда суфиев, последователей суфизма, мистико-аскетического направления в исламе.

Ф а р х а́ д — герой легенды о Хосрове и Ширин (см.).

Х а н а а́ н — в арабском произношении «кан'ан», родина Якуба (см.).

Х а т а́ н с к и й м у с к у с считался лучшим на всем Востоке.

Х а т е́ м — имя бедуина из племени тая; прославился своей щедростью.

Х о с р о́ в — сасанидский царь, муж Ширин (см.).

Х у м а́ — феникс, легендарная птица, приносящая, по преданию, счастье тому, на кого падает ее тень.

Х ы з р — мифический чудотворец, пророк, покровитель путников.

Ш и р и́ н — жена Хосрова (см.), легендарного сасанидского царя. По преданию, Фархад влюбился в Ширин, и она приказала ему проложить канал через скалистую гору, чтоб убедиться в его любви и верности.

Ю с у́ ф — Иосиф Прекрасный, красота которого соблазнила, по преданию, жену египетского правителя Зулейху.

Я к у́ б (Иаков) — отец Юсуфа (см.). По преданию, Якуб, потеряв своего сына Юсуфа и думая, что тот погиб, долгие годы плакал и утратил зрение.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Ю. Алиев. Предисловие 3

ОГОНЬ И СЛЕЗЫ

Зебуннисо 11
Без надежды 12
Услышь мой стон 13
Одна мольба 14
Чужбина 15
Потеряно счастье 16
Плачу 17
Удар скорби 18
Где? 19
Кто известил? 20
Я лишена 21
Я все сожгла 22
Здесь 23
Живи мгновеньем 24
Внимай всему 25
Уйду 26
Пламя вздохов 28
Жалоба 29
Стенание 30
Запах крови 31
Говорит 32
Влажные глаза 33
Река из глаз 34
Все расцветет 35
Твоя власть 36
Кровавые волны 37
Страна любви 38
Придет восход 39
Скорбь со мной неразлучна 40
Пламя 41
Идолопоклонница 42
Я дружбу потеряла 43
Сердечная мука 44
Опьянение 45
Страдающее сердце 46
Гранитный дом 47

Блаженный островок 48
Я страдала 49
Пренебрежет 50
Встречу тебя 51
Твое могущество 52
Пишу тебе 53
Невмоготу 54
Пламя насилья 55
Почему? 56
За что? 57
Что значит жить? 58
Доколе? 59
Иссякли слезы 60
Память сердца 61
Вино печали 62
Неведение 63
Пальма мысли 64
Суд сердца 65
Без состраданья и любви 66
Ночью этой 67
Сгорели стоны 68
Некому доверить тайну 69
Лал в короне 70
Соль на рану 71
«Не ко времени, любимый...» 72
Озарены 73
Невольники судьбы 74
Лал 75
Потери 76
Пламя скорби 77
Огонь и слезы 78
Солнце красоты 79
Покрывало 80
Слезы — награда 81
Подруга тоски 82
Сон и явь 83
Увядший нарцисс 84
Пленная птица 85
Утренний ветер 86
В темнице скорби 87
Спор 88
Тайный яд 89
Блеск красоты 90
Луна красоты 91
Красою не кичись 92
Мои глаза 93

Изначальный круг 94
Не могу жить 95
На заре 96
Похитительница 97
Твое письмо 98
Погребок 99
Что случится... 100
Пошли мне весть 101
Всевидящее око 102
Мой светоч 103
Стон в сердце 104
Теряю власть 105
Вихрь судьбы 106
Не жалей 107
Мука любви 108
Меч взглядов 109
Сокрытое 110
Не придет 111
Огненная сила 112
Весть друга 113
Не могу 114
Жизнь прошла 115
Я и ты 116
Не скрывайся от меня 117
Оковы 118
Мой цветник 119
Трон любви 120
Утреннее смятение 121
Узел судьбы 122
Пир свиданья 123
Встань! 124
Шутки ради 125
Ты мне приснился 126
Лучше для меня 127
Не верь 128
Скорбный груз 129
Освобождение 130
Награда за терпение 131
Все пройдет 132
О время! 133
В поисках солнца 134
Что скажу? 135
Нет 136
С тех пор 137
Ожог любви 138
Стрела взора 139

Вдали от родины 140
Я готовлюсь 141
«Если сердце не тоскует...» 142
Я напоена печалью 143
Луч души 144
Рана 145
Багряная пустыня 146
Не найду 147
«Забудет розу соловей...» 148
Что случилось? 149
Твои следы 150
Мой путь 151
Я жду зарю 152

Пояснительный словарь 153

Зебуннисо.

З-47 Огонь и слезы. Пер. с фарси Татьяны Стрешневой. Вступит. статья Г. Ю. Алиева. М., «Худож. лит.», 1977.

158 с.

Зебуннисо (1638—1701) — индийская поэтесса, писала на фарси, преимущественно газели; многие стихи подписывала псевдонимом Махфи (сокрытая). Трагедия личной жизни, мрачная атмосфера окружавшей действительности влияли на творчество Зебуннисо, она рано и глубоко поняла тяжесть бесправия женщины перед религией ислама и законами феодального деспотического государства. В стихах, проникнутых мукой и слезами обреченной на одиночество женщины, нередко светится огонь надежды, мысль об освобождении личности.

З $\frac{70404\text{-}308}{028(01)\text{-}77}$ БЗ-70-31-76 **И(Инд)**

Зебуннисо

ОГОНЬ И СЛЕЗЫ

Редактор *Г. Ярославцев*

Художественный редактор
Ю. Коннов

Технический редактор
Л. Витушкина

Корректор
Д. Эткина

Сдано в набор 1/III 1976 г. Подписано в печать 2/XI 1976 г. Бумага типографская № 1. Формат $70 \times 100^1/_{32}$. 5 печ. л. 6,48 усл. печ. л. 3,428 уч.-изд. л. Тираж 25 000 экз. Заказ 7569.
Цена 24 коп.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Московская типография № 5
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, Мало-Московская, 21

24 коп.